

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

ЗАРЕГИСТРИРОВАНО В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. Рег. ПИ № ФС77-29367 от 23.08.2007 г.

Издается с 2006 г. Периодичность — 2 раза в полугодие

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Издательская группа «Юрист»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Белых-Силаев Д. В.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Полковников Р. М.

ПОМОЩНИКИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Еремин Н. П., Коломойцев М. М., Липа П. К.,
Моцардо В. И., Мудрагей А. И.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Багмет А. М., к.ю.н.
Вехов В. Б., д.ю.н., проф.
Георгадзе М. С., д.псх.н.
Германов Г. Н., д.п.н., проф.
Горленко В. В., д.в.н., к.ф.н., проф.
Гурьянов Ю. Н., д.псх.н., проф.
Дерешко Б. Ю., к.ю.н., доц.
Дмитриев И. В., к.псх.н.
Дворянчиков Н. В., к.псх.н.
Дозорцева Е. Г., д.псх.н., проф.
Дьячук И. А., к.соц.н., доц.
Зинченко Ю. П., д.псх.н., проф.
Иванков Ч. Т., д.п.н., проф.
Караяни А. Г., д.псх.н., проф.
Кекелидзе З. И., д.м.н., проф.
Ковалев О. Г., д.ю.н., проф.
Кокурин А. В., к.псх.н., доц.
Котенев И. О., к.псх.н., доц.
Маликов С. В., д.ю.н., проф.
Марченков В. И., д.п.н., проф.
Мишуткин И. В., к.ю.н.
Можгинский Ю. Б., д.м.н.
Мягих Н. И., к.псх.н.
Пашин С. А., к.ю.н., проф.
Поляков С. П., д.п.н., проф.
Попов Д. Г., к.филос.н.
Простяков В. В., к.псх.н., доц.
Сафуанов Ф. С., д.псх.н., проф.
Селиверстов В. И., д.ю.н., проф.
Столяренко А. М., д.псх.н., проф.
Топорков А. А., д.ю.н., проф.
Холодный Ю. И., д.ю.н., проф.
Цветков Ю. А., к.ю.н.
Эминов В. Э., д.ю.н., проф.
Яковлев В. Ф., д.м.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

Гриб В. В., чл.-корр. РАО, заслуженный юрист РФ, д.ю.н., профессор

РЕДАКЦИЯ:

Лаптева Е. А., Платонова О. Ф.

ВЕРСТКА:

Калинина Е. С.

115035, г. Москва, ул. Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
Тел.: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О. А., к.ю.н.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел./ф.: (495) 617-18-88 (многоканальный).
Подписные индексы: «Объединенный каталог. Пресса России» — 91913;
«Каталог российской прессы» — 12779.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПСИХОЛОГИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Симагина Н. А. Учет личности подозреваемого, обвиняемого при избрании меры пресечения..... 3
Гайворонская А. А. Невербальные индикаторы поведения несовершеннолетних после психологической травмы, связанной с сексуальным насилием 7

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Простяков В. В., Касьянова Е. А. Социально-психологические аспекты профессиональной деформации сотрудников ОВД 13
Цветков Ю. А. Справедливость и ее психологическая значимость в управлении (на примере следственного органа) 16
Казакова Л. П., Маклакова Т. Ю., Лозинская О. А. Гендерные аспекты военно-профессиональной идентичности курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности» 20

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Караяни А. Г. Психофизиологические особенности подземной войны 28

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИГРАФОЛОГИИ

Свободный Ф. К., Белых-Силаев Д. В. Эффективность полиграфа в расследовании преступлений: мнение следователей 35

Уважаемые авторы, просим вас направлять статьи на электронный адрес редакции журнала «Юридическая психология»: 014130@mail.ru

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических и психологических наук.

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа». 248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.

Тираж: 1500 экз.
Цена свободная.
Номер подписан: 22.08.2019.
Дата выхода в свет: 28.08.2019.
ISSN 2071-1204

Juridical Psychology

№. 3 / 2019

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION JOURNAL

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE. REG. PI No. FC77-29367 of August 23, 2007.

Published quarterly. Published since 2006.

FOUNDER:

Jurist Publishing Group

EDITOR IN CHIEF:

Belykh-Silaev D.V.

DEPUTY EDITOR IN CHIEF:

Polkovnikov R.M.

ASSISTANTS TO THE EDITOR IN CHIEF:

Eremin N.P., Kolomojtssev M.M.,
Lipa P.K., Motcardo V.I., Mudragay A.I.

EDITORIAL BOARD:

Bagmet A.M., PhD (Law),
Vekhov V.B., LL.D., Professor,
Georgadze M.S., Doctor of Psychological sciences,
Germanov G.N., Doctor of Pedagogic sciences, Professor,
Gorlenko V.V., Doctor of Military sciences, Professor,
Gur'yanov Yu.N., Doctor of Psychological sciences, Professor,
Dereszko B.Yu., PhD (Law), Associate Professor,
Dmitriev I.V., PhD in Psychological sciences,
Dvoryanchikov N.V., PhD in Psychological sciences,
Dozortseva E.G., Doctor of Psychological sciences, Professor,
D'yachuk I.A., PhD in Sociological sciences, Associate Professor,
Zinchenko Yu.P., Doctor of Psychological sciences, Professor,
Ivankov Ch.T., Doctor of Pedagogic sciences, Professor,
Karayani A.G., Doctor of Psychological sciences, Professor,
Kekelidze Z.I., Doctor of Medical sciences, Professor,
Kovalev O.G., LL.D., Professor,
Kokurin A.V., PhD in Psychological sciences, Associate Professor,
Kotenev I.O., PhD in Psychological sciences, Associate Professor,
Malikov S.V., LL.D., Professor,
Marchenkov V.I., Doctor of Pedagogic sciences, Professor,
Mishutkin I.V., PhD (Law),
Mozhginskij Yu.B., Doctor of Medical sciences,
M'agkikh N.I., PhD in Psychological sciences,
Pashin S.A., PhD (Law), Professor,
Polyakov S.P., Doctor of Pedagogic sciences, Professor,
Popov D.G., PhD in Psychological sciences,
Prostyakov V.V., PhD in Psychological sciences, Associate Professor,
Safuanov F.S., Doctor of Psychological sciences, Professor,
Seliverstov V.I., LL.D., Professor,
Stolyarenko A.M., Doctor of Psychological sciences, Professor,
Toporkov A.A., LL.D., Professor,
Kholodny'j Yu.I., LL.D., Professor,
Tsvetkov Yu.A., PhD (Law),
E'minov V.E', LL.D., Professor,
Yakovlev V.F., Doctor of Medical sciences

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., corresponding member of the RAE,
Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor

EDITORIAL OFFICE:

Lapteva E.A., Platonova O.F.

LAYOUT:

Kalinina E.S.

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.

Tel.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Authors shall not pay for publication of their articles.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel./fax: (495) 617-18-88 (multichannel)

SUBSCRIPTION:

Unified catalogue. Russian Press – 91913; Catalogue of the Russian Press – 12779

CONTENTS

PSYCHOLOGY OF LAW ENFORCEMENT

- Simagina N.A.* Taking into Account the Identity of a Suspect, Accused in Selection of a Restriction Measure..... 3
Gayvoronskaya A.A. Non-Verbal Indicators of the Behavior of Minors after a Psychological Trauma Involving Sexual Assault..... 7

ISSUES OF PSYCHOLOGY OF OFFICIAL ACTIVITIES

- Prostyakov V.V., Kasyanova E.A.* Sociopsychological Aspects of Professional Deformation of the Internal Affairs Departments' Personnel..... 13
Tsvetkov Yu.A. Justice and Its Psychological Importance in Management (on the Example of an Investigative Authority) 16
Kazakova L.P., Maklakova T.Yu., Lozinskaya O.A. Gender Aspects of the Military and Professional Identity of Cadets Majoring in Psychology of Official Activities..... 20

ISSUES OF MILITARY PSYCHOLOGY

- Karayani A.G.* Psychophysiological Peculiarities of a Subsurface War..... 28

POLYGRAPH EXAMINATION ISSUES

- Svobodny F.K., Belykh-Silaev D.V.* Polygraph Efficiency in Crime Investigation: The Investigators' Opinion 35

Dear authors, please send your articles to the electronic address of the editorial office of journal "Juridical Psychology": 014130@mail.ru
The journal is included in the database Russian science citation index **eLIBRARY.RU**

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Sciences of the Russian Federation for publications of basic results of doctoral theses.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Tel.: (4842) 70-03-37 Circulation: 1500 copies.
Free market price.
Passed for printing: 22.08.2019.
Edition was published: 28.08.2019.
ISSN 2071-1204

УЧЕТ ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Симагина Наталья Анатольевна,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Юридического института имени М.М. Сперанского
Владимирского государственного университета
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
simagina.n@mail.ru

В статье поднимается вопрос о значимости изучения и учета личности подозреваемого или обвиняемого при избрании меры пресечения. На основе анкетирования следователей, анализа следственной и судебной практики, в том числе международной, делается вывод о нехватке источников такой информации, несколько поверхностном отношении правоприменителей к этому вопросу, а также его односторонности.

Анализируются статистические данные Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации, МВД России, ФСИН России, которые коррелируются применительно к обозначенной теме. Отмечается недостаточно всестороннее изучение личности подозреваемых и обвиняемых как дознавателем, следователем, прокурором, так и судом.

Представлены нормы отечественного уголовно-процессуального закона, материалов практики Европейского суда по правам человека, Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в которых акцентируется внимание на внимательном и скрупулезном изучении личности преступников.

С момента привлечения лица к уголовной ответственности предлагается последовательно изучать и отражать в едином документе-досье, а также в процессуальных и иных документах не только социально-демографические признаки подозреваемого, обвиняемого, но и биологические, а также нравственно-психологические, обстановку и характер преступления, мотивацию человека, его до и постпреступное поведение, роль в преступлении, рецидив.

Ключевые слова: личность преступника, меры пресечения, уголовное судопроизводство, подозреваемый, обвиняемый, эффективность.

TAKING INTO ACCOUNT THE IDENTITY OF A SUSPECT, ACCUSED IN SELECTION OF A RESTRICTION MEASURE

Simagina Natalya A.
Senior Lecturer of the Department of Criminal and Legal Disciplines
of the M.M. Speranskiy Law Institute
of the Vladimir State University

The article raises the question of the importance of studying and taking into account the identity of the suspect or the accused in choosing a preventive measure. On the basis of a questionnaire survey of investigators, analysis of investigative and judicial practice, including international, it is concluded that there are not enough sources of such information, a somewhat superficial attitude of the law enforcers to this issue, as well as its one-sidedness.

The statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs, the Federal Penitentiary Service, which are correlated in relation to the designated topic, are analyzed. There is not enough comprehensive examination of the identity of the suspects and the accused as an investigator, prosecutor, and the court.

The norms of the domestic criminal procedure law, materials of the practice of the European Court of Human Rights, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are presented, in which attention is focused on a careful and scrupulous study of the identity of criminals.

From the moment of bringing a person to criminal responsibility, it is proposed to consistently study and reflect in a single document-dossier, as well as in procedural and other documents, not only the socio-demographic signs of the suspect, the accused, but also biophysiological, as well as moral-psychological, circumstances and nature of the crime, motivation of a person, his prior and post-crime behavior, role in a crime, relapse.

Keywords: the identity of the offender, preventive measures, criminal justice, the suspect, the accused, effectiveness.

Основным предназначением отечественного уголовного судопроизводства, в соответствии со ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), является, с одной стороны, защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а с другой, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Изучение следственной, судебной практики избрания в отношении подозреваемых и обвиняемых мер пресечения дает основания утверждать, что последняя задача воспринимается следователями, дознавателями, органами прокуратуры и судом как второстепенная.

Например, в ходе анкетирования 124 следователей Следственного комитета Российской Федерации на предложение расставить в порядке приоритета обстоятельства, которые учитываются ими при избрании меры пресечения, не один респондент не поставил на первое место личность подозреваемого (обвиняемого), его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий. На первое место почти все следователи ставят тяжесть совершенного преступления, его общественный резонанс (независимо от мотивов, обстановки, поведения жертвы и т.п.), далее — прежнюю судимость¹ (независимо погашена она или нет), возможность воспрепятствовать следствию (угрожать участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства), скрыться и продолжать совершать преступления. Более половины следователей личность подозреваемого поставили на последнее место несмотря на то, что данное обстоятельство включено законом в предмет установления и доказывания по каждому уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), а главное, в перечень тех обстоятельств, которые обязательно учитываются при избрании меры пресечения (ст. 99 УПК РФ).

Следует отметить, что правоприменители, к сожалению, не до конца разбираются в сложном и многоаспектном понятии личности преступника, ее структуре и содержании. Так, на предложение пояснить, что вкладывает следователь в понятие личности преступника (подозреваемого, обвиняемого), ряд анкетированных затруднились с ответом. В основном (84%) все отметили лишь социально-демографические признаки (пол, возраст, состояние здоровья, жилищно-бытовые, материальные, семейное положение, род занятий, социальное положение, образование). Нравственно-психологические признаки лично-

сти (морально-волевые, эмоциональные, интеллектуальные, ролевые притязания, ценностные ориентации, мировоззрение) отметили только 8% опрошенных. Характер преступления, мотивация, поведение, роль в преступлении, рецидив обозначили 28% следователей.

Напомним, что в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона учет данных о личности должен ложиться в основу при избрании таких мер пресечения, как запрет определенных действий (ч. 6 ст. 105.1. УПК РФ), при определении вида и размера залога (ч. 3 ст. 106 УПК РФ), выборе разновидностей запретов при избрании домашнего ареста (ч. 7 ст. 107 УПК РФ). Причем в каждом случае смысловое и фактическое наполнение данного понятия различно. В одних случаях — это характер человека, его привычки, наклонности, поведение до и после совершенного преступления, задержания, в других — имущественное положение, состав семьи, количество иждивенцев, род деятельности, в третьих — условия жизни, отношения в семье, влияние на него других лиц, его безопасность (к примеру, для несовершеннолетних, которым планируется применить меру пресечения в виде присмотра соответствующих лиц). К примеру, в УПК Азербайджанской Республики прямо указывается то, что «до передачи несовершеннолетнего под надзор дознаватель, следователь, прокурор или суд должны собрать сведения о личности родителей, опекунов или попечителей, их отношениях с несовершеннолетним, удостовериться в том, что они в состоянии содержать подозреваемого или обвиняемого».

Несмотря на то, что закон по непонятным причинам не упоминает об учете личности обвиняемого (подозреваемого), в отношении которого избирается самая суровая мера пресечения — заключение под стражу, Верховный Суд Российской Федерации неоднократно в своих решениях и разъяснениях упоминает об этом. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» содержится важный акцент о том, что данные лица еще не признаны виновными, что в ходе решения вопросов, связанных с применением мер пресечения, судам исходя из презумпции невиновности следует соблюдать баланс между публичными интересами, связанными с применением мер процессуального принуждения, и важностью права на свободу личности².

¹ При том, что в ст. 97 УПК РФ среди оснований для избрания меры пресечения такое основание отсутствует.

² Российская газета. 2013. 27 декабря.

Пленум рекомендует судам при рассмотрении ходатайства следователя или дознавателя об избрании в качестве меры пресечения заключение под стражу учитывать сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (например, совершение лицом преступления в отношении членов своей семьи при совместном проживании, поведение лица после совершения преступления, в частности явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, заглаживание причиненного в результате преступления вреда).

Интерес вызывает практика и позиция Европейского суда по правам человека, в который периодически поступают жалобы на необоснованное избрание меры пресечения в виде заключения под стражу без учета личности обвиняемого.

В своих решениях суд неоднократно напоминает, что хотя суровость ожидаемого приговора является существенным элементом, тяжесть обвинений сама по себе не может оправдать продолжительное содержание под стражей до суда. При избрании меры пресечения и его продлении национальные суды России не ссылаются ни на какие фактические обстоятельства (особенности личность субъекта), чтобы подтвердить вывод о возможном вмешательстве заявителя в производство по делу, особенно на стадии судебного разбирательства³.

Даже прогноз следствия о том, что лицо может скрыться, должен по мнению ЕСПЧ доказываться данными о личности. Так, в постановлении по делу «Самойлов против России» указано: «Европейский суд напоминает, что риск бегства должен оцениваться с учетом ряда других значимых факторов, особенно относящихся к личности конкретного лица, его морали, места жительства, занятия, имущества, семейных связей и любых видов связей со страной, в которой он преследуется»⁴.

Ежегодно в России регистрируется около 2 млн преступлений, половина из которых предварительно расследуется соответствующими правоохранительными органами, выявляются и задерживаются свыше миллиона лиц, их совершивших⁵. При этом следователь, дознаватель, органы прокуратуры и суд принимают решение о целесообразности

применения к таким лицам мер пресечения, выборе ее оптимального вида, размера.

Причем в 2018 г. из 126 383 ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу были удовлетворены 113 318 ходатайств, а из 215 145 постановлений о продлении срока содержания под стражей — 210 117 были удовлетворены.

Стоит согласиться с мнением П.Д. Индинока и А.Е. Печерина о том, что на сегодняшний день суды, как правило, всегда удовлетворяют ходатайства следователей, не погружаясь в изучение всех обстоятельств и оснований, а это, в свою очередь, приводит к тому, что следователи не надлежаще изучают личность подозреваемых, обвиняемых, слабо мотивируют свои постановления⁶.

Часто срок содержания под стражей полностью или частично поглощает то наказание, которое назначает суд, и подсудимый освобождается в зале суда. Но больше всего вопросов вызывают оправдательные приговоры в отношении лиц, которые содержались под стражей или в отношении которых применялись иные меры пресечения. Государству приходится платить за такие ошибки в буквальном смысле большую цену.

Важно то, что из примерно миллиона лиц, которые признавались в 2018 г. подозреваемыми, обвиняемыми и в отношении которых была избрана та или иная мера пресечения, до суда дошли лишь 658 291 человек, а к лишению свободы было приговорено только 190 325 осужденных (28,9%).

Не секрет, что избрание следователем и судом (который чаще в последующем и рассматривает дело по существу в судебном производстве) мера пресечения уже имеет значение и несколько предвосхищает будущее уголовное наказание, которое будет назначено судом.

Важно и то, что ряд мер пресечения не изолируют подозреваемого, обвиняемого от общества, но существенно ограничивают имущественные права данных лиц.

Поверхностное изучение личности указанных лиц объясняется, во-первых, большим объемом нагрузки на следователей, судей и банальной нехваткой времени⁷, а, во-вторых, отсутствием источников получения такой информации, за исключением получения субъективных производственных (служебных) или бытовых характеристик.

³ Постановление ЕСПЧ от 30 ноября 2004 г. «Дело «Кляхин (Klyakhin) против Российской Федерации» (жалоба № 46082/99). URL: <https://roseurosud.org/r/st-6/st-6a-2/postanovlenie-espch-klyakhin-protiv-rossii>

⁴ Постановление Европейского суда по правам человека от 24 января 2012 г. по делу «Самойлов против России» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2012. № 11.

⁵ URL: <https://мвд.рф/reports/item/9338947>

⁶ Индинок П.Д., Печерин А.Е. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в Российской Федерации: проблемы карательного правоприменения // Государство и право : материалы 54-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2016. 2016. С. 256–257.

⁷ Гончарова Е.М., Простяков В.В. Психологические аспекты судебного разбирательства // Юридическая психология. 2018. № 1. С. 8.

Интересно, что согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации каждое второе расследованное преступление совершено лицами, ранее уже совершавшими преступления, а следовательно, в отношении данных лиц уже в свое время применялись меры пресечения. Однако проанализировать, какие меры к ним применялись и что легло в обоснование избрания таких мер, следователю (как и нам) невозможно, поскольку такая информация не учитывается. Не ведется учет мер пресечения, их отмен, замен, дополнений.

Несмотря на то, что более половины подозреваемых и обвиняемых уже попадали в орбиту уголовно-правовых отношений, они отбывали уголовные наказания или были осуждены условно и состояли на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, подразделениях по делам несовершеннолетних, на учетах участковых уполномоченных, под административным надзором, следователю, дознавателю, суду приходится собирать данные об их личности заново. Как отмечает С.Ю. Скобелин, в отечественной системе правоохранительных органов отсутствует преемственность и их взаимодействие в сборе характеризующего материала в отношении лица, совершившего преступление. Без этого невозможно понять природу, причины и условия совершенного преступления, назначать эффективные меры государственного принуждения, делать верные прогнозы поведения данного лица⁸.

⁸ Скобелин С.Ю. Взаимодействие следователя и суда в рамках изучения личности подсудимого // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 37.

Рациональным выглядит предложение В.И. Горобцова о необходимости повсеместного внедрения сквозного дела — досье на правонарушителя, а в перспективе — создание автоматизированного банка данных о личности правонарушителя⁹.

Литература

1. Гончарова Е.М. Психологические аспекты судебного разбирательства / Е.М. Гончарова, И.Б. Марьясис, В.В. Простяков // Юридическая психология. 2018. № 1. С. 6–10.
2. Горобцов В.И. О преемственности в изучении личности правонарушителя / В.И. Горобцов // Педагогическое наследие А.С. Макаренко и проблемы исправления и перевоспитания осужденных : материалы Всесоюзной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.С. Макаренко (г. Рязань, 31 марта — 1 апреля 1988 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор В.Г. Деев . Рязань : Изд-во РВШ МВД СССР, 1988. 264 с.
3. Индинок П.Д. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в Российской Федерации: проблемы карательного правоприменения / П.Д. Индинок, А.Е. Печерин // Государство и право : материалы 54-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2016 (г. Новосибирск, 16–20 апреля 2016 г.) : сборник научных статей / научный руководитель И.А. Кравец. Новосибирск : Изд-во Новосибирского НГГУ, 2016. С. 256–257.
4. Скобелин С.Ю. Взаимодействие следователя и суда в рамках изучения личности подсудимого / С.Ю. Скобелин // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 19–21.

⁹ Горобцов В.И. О преемственности в изучении личности правонарушителя // Педагогическое наследие А.С. Макаренко и проблемы исправления и перевоспитания осужденных : материалы научно-практической конференции. Рязань, 1988. С. 153–154.

Уважаемые авторы!

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru.

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ИНДИКАТОРЫ ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОСЛЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ, СВЯЗАННОЙ С СЕКСУАЛЬНЫМ НАСИЛИЕМ*

Гайворонская Александра Александровна,
инспектор отдела исследования проблем
техничко-криминалистического и экспертного сопровождения
расследования преступлений управления научно-исследовательской
деятельности (научно-исследовательский институт криминалистики)
Главного управления криминалистики (Криминалистического центра)
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат психологических наук, доцент
agajvoronskaya@yandex.ru

Индикаторы выступают своеобразными ключами, раскрывающими вытесненный травматичный опыт. При интерпретации невербального поведения учитывается степень конгруэнтности (согласованности/рас-согласованности) индикаторов. Рассогласованность индикаторов (показателей) конгруэнтности отражает высокую степень возможности того, что в отношении несовершеннолетнего было или совершается сексуальное насилие.

Интерпретация невербального поведения зависит от содержательной дифференцированности индикаторов, а также от соотношения содержательных компонентов с эмоционально-оценочными проявлениями на значимое травмирующее событие в ситуациях общения.

Ключевые слова: невербальные индикаторы, поведение несовершеннолетних, психологическая травма, сексуальное насилие, рассогласованность, конгруэнтность.

NON-VERBAL INDICATORS OF THE BEHAVIOR OF MINORS AFTER A PSYCHOLOGICAL TRAUMA INVOLVING SEXUAL ASSAULT

Gayvoronskaya Aleksandra A.
Inspector of the Department of Research of Technical, Criminalistic and Expert Support
of Crime Investigation of the Research Directorate (Research Institute of Criminalistics)
of the Chief Criminalistic Directorate (Criminalistic Center)
of the Investigative Committee of the Russian Federation
PhD in Psychological Sciences, Associate Professor

Indicators act as a kind of keys revealing, displaced traumatic experience. When interpreting nonverbal behavior, the degree of congruence (consistency/mismatch) of indicators is taken into account. The inconsistency of congruence indicators (indicators) reflects the high possibility that sexual violence has been or is being committed against a minor. The interpretation of nonverbal behavior depends on the content differentiation of indicators, as well as on the ratio of content components with emotional and evaluative manifestations to a significant traumatic event in communication situations.

The study was carried out with the financial support of the Russian Humanitarian Foundation in the framework of the project "Sensitivity to justice as a determinant of delinquent and prosocial behavior" (RHF No. 17-06-00379a).

Keywords: non-verbal indicators, behavior of minors, psychological trauma, sexual violence, inconsistency, congruence.

Современные условия определяют возрастающую роль личности, анализа факторов ее становления в контексте ее жизнедеятельности. Личностные особенности, качества, а также вну-

тренные проблемы проявляются в поведении индивида. Поведение — это совокупность действий, поступков, совершаемых индивидом в его взаимодействии с окружающей средой, опосредованных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Чувствительность к справедливости как детерминанта делинквентного и просоциального поведения» (РФФИ № 17-06-00379-ОГН).

внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью¹.

Поведение несовершеннолетних отражает ведущие возрастные особенности, под которыми понимаются отсутствие жизненного опыта, повышенная эмоциональная возбудимость, двигательная и вербальная активность, следование за другими, гипнабельность, обостренное чувство справедливости, поиск и идентификация с референтной группой и др.

Как показывает Е.Р. Слободская, большинство международных исследований указывают, что самые распространенные группы детских психических расстройств — поведенческие (5–10% детей в популяции) и тревожные (около 4–6%)². Насилие в отношении детей и несовершеннолетних является глобальной проблемой нарушения прав человека, при этом сексуальное насилие является таким преступлением, которое имеет глубокие психологические последствия, затрагивая разные уровни личности. Сексуальное насилие — это принуждение к сексуальной близости (сексуальное удовлетворение) против желания, или действия сексуального характера с применением насилия, угрозы либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей(го)³.

Сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних — это действия насильственного сексуального характера, совершенные совершеннолетним и (или) несовершеннолетним лицом в отношении несовершеннолетнего⁴. Самая распространенная форма сексуального насилия — это развратные действия (ответственность за них предусмотрена ст. 135 Уголовного кодекса Российской Федерации)⁵. В исследованиях В.Е. Христенко установлено, что сексуальное насилие по тяжести воздействия (переживания) занимает второе место после смерти (утраты) и затрагивает разные уровни личности⁶.

Нарушения в результате насилия, ранних этапов психосексуального развития способствуют из-

менениям, затрагивающим ядро личности. Они могут зависеть от этапа психосексуального развития несовершеннолетнего. Г.С. Васильченко, Ю.А. Решетняк выделяют три этапа психосексуального развития:

1) от 1–7 лет происходит формирование полового самосознания;

2) от 7–13 лет происходит формирование стереотипа полоролевого поведения;

3) от 14–26 лет происходит формирование психосексуальных ориентаций⁷.

Так, А.С. Ячина, Т.В. Савкина, О.С. Бабичева выявили, что обычно жертвами сексуального насилия являются дети 3–7 лет, следующая группа — до 14 лет (20–30% девочек и 10% мальчиков). Возраст ребенка, при котором особенно высока вероятность сексуального насилия, — 7–11 лет⁸.

Отсроченные последствия сексуального насилия для несовершеннолетних (детей-жертв) выражаются в том, что они:

— в 7 раз чаще злоупотребляют алкоголем и наркотиками;

— в 10 раз чаще совершают попытки суицида;

— составляют 60–70% беглецов;

— занимаются 90–98% детской проституцией;

— 60% имеют соматические расстройства питания;

— 85% являются пациентами психиатрических клиник⁹.

Часто сам факт насилия утаивается, замалчивается и в результате происходит искажение субъективной картины мира, представлений о самом себе и внешней реальности. Это объясняется тем, что поведение несовершеннолетних после любой психологической травмы сопровождается изменением социального опыта взаимодействия с миром и окружающими. Травма (насилие) разрушает защитные механизмы «Я», приводит к беспомощности, автоматическому страху, регрессии, а именно к архаическим функциям «Я». Архаические функции «Я» находят свое выражение в заболеваниях идентичности, таких как психозы, неврозы, заболевание бордерлайн, деструктивная сексуальность, навязчивости, мании. В результате «Я» впадает в состояние полной беспомощности, с прогрессирующей блокадой ментальных функций¹⁰.

⁷ Васильченко Г.С., Решетняк Ю.А. Сексуальные нарушения при акцентуациях характера и психопатиях // Сексопатология: справочник. М., 1990. С. 440.

⁸ Ячина А.С., Савкина Т.В., Бабичева О.С. Некоторые аспекты судебно-экспертного исследования виктимности несовершеннолетних при половых преступлениях // Теория та практика судової експертизи і криміналістики: 36. матер. міжнар. наук.-практ. конф. Х. : Право, 2009. Вип. 9. С. 534.

⁹ Психология поведения жертвы. С. 210.

¹⁰ Болебер В. Воспоминание и историзация: трансформация индивидуальной и коллективной травмы и ее межпоко-

¹ Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов / под ред. С.Н. Бокова. Воронеж, 1995. С. 449.

² Слободская Е.Р. Психическое здоровье детей и подростков: распространенность отклонений и факторы риска и защиты // Вопросы психического здоровья детей и подростков. Научно-практический журнал психиатрии, психологии, психотерапии и смежных дисциплин. 2008. № 2. С. 14.

³ Яценко А.С. К вопросу о дефинициях терминов «Изнасилование» и «Насильственные действия сексуального характера» и их соотношении // Вестник БГУ. 2015. № 1. С. 205.

⁴ Паршин Н.М. Семейное и внесемейное насилие как фактор деформированного становления личности // ППД. 2016. № 4. С. 123.

⁵ Факторы риска. Жертвы сексуального насилия. URL: <http://pedofilov.net/tips-for-parents/factory-riska-zhertvy-seksualnogo-nasilija/> (дата обращения: 01.07.2019).

⁶ Психология поведения жертвы: учеб. пособие / под. ред. В.Е. Христенко. Ростов н/Д., 2004. С. 209.

Травма сексуального насилия становится областью табуированного знания, проникает очень глубоко в психику, нарушает и изменяет схему тела — одну из базовых составляющих образа «Я». Поэтому поиск закономерностей в интерпретации невербальных индикаторов психологической травмы, в поведении несовершеннолетних представляется важной научной задачей, где схема тела или язык тела является важным компонентом невербальной коммуникации межличностного общения. Совершенно верно отмечают Я.В. Комиссарова и В.В. Семенов: «Сложные психологические образования, представляющие собой непрерывно перестраивающиеся по ходу деятельности ансамбли процессов и состояний, динамично выражаются во внешнем облике и поведении человека в виде совокупности определенных признаков, организующихся в пространственно-временные структуры»¹¹.

Невербальная коммуникация — это общение лицом к лицу в присутствии других людей, которая воспринимается как сознательно, так и бессознательно. Невербальная коммуникация происходит без слов (движения тела в пространстве, прикосновения, звучание голоса, цвет, мимика др.) и отражается в поведении, в окружающей среде. В исследованиях В.А. Лабунской невербальное поведение определяется как «социально и биологически обусловленный способ организации усвоенных индивидом невербальных средств общения, преобразованных в индивидуальную, конкретно-чувственную форму действия и поступков»¹². По мнению автора, невербальные средства общения отражаются в поведении, являясь индикаторами внешней формы существования и проявления психического мира личности. Выделение индикаторов невербального поведения способствует созданию культурно-специфической типологии невербального поведения. К невербальным средствам В.А. Лабунская относит кинесические (движение тела), пространственные (организация поведения, межличностного общения) и временные характеристики взаимодействия¹³.

Цель данного исследования — описать те возможные (вероятные) невербальные индикаторы

поведения несовершеннолетнего, которые транслировали бы окружающим, что над ним было совершено или совершается сексуальное насилие. Индикаторы выступают своеобразными ключами раскрывающими, вытесненный травматичный опыт. Их воспроизведение, распознавание и интерпретация в невербальной коммуникации поможет вероятной диагностике состояния несовершеннолетнего.

Используя опыт проведения психотерапии для коррекции кризисных ситуаций, Н.О. Зиновьева и Н.Ф. Михайлова описывают поведенческие характеристики, которые могут проявляться у несовершеннолетних после сексуального насилия (см. табл. 1)¹⁴.

Поведенческие особенности (индикаторы) отражают в большей степени проявления эмоциональных состояний — стыд, вина, агрессия, страх. Авторами подчеркивается амбивалентность, противоречивость таких состояний, например, страх превращается в агрессию, неуверенность переходит в демонстративное (вызывающее) поведение. Проявления, особенности и характеристики индикаторов зависят от индивидуально-психологических особенностей несовершеннолетнего, от условий проживания, степени доверия к взрослым, зависимости от насильника. Н.О. Зиновьева, Михайлова Н.Ф. выделяют по типу реагирования на ситуацию (сексуальное насилие) следующие формы поведения несовершеннолетних (см. табл. 2)¹⁵.

Вероятно, что такая форма поведения как стремление к совершенству (перфекционизм) может быть как в экстрапунитивных формах поведения, так и в интрапунитивных. Экстрапунитивность в ситуациях общения проявляется во враждебном, агрессивном поведении. Интрапунитивность выражается также в самоуничтожении, аутоагрессии.

Е.Г. Дозорцева, рассматривая вопросы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, описывает два типа жертв сексуального насилия (см. табл. 3)¹⁶. Типология основана на оценке реакции (замирание-активность) несовершеннолетнего на психологическую травму.

ленческая передача // Журнал практической психологии и психоанализа. 2010. № 4. URL: <http://psyjournal.ru/articles/vospominanie-i-istorizaciya-transformaciya-individualnoy-i-kollektivnoy-travmy-i-ee> (дата обращения: 10.07.2019).

¹¹ Комиссарова Я.В., Семенов В.В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений. М., 2004. С. 21.

¹² Лабунская В.А. Невербальное поведение: социально-перцептивный подход / отв. ред. И.П. Шкуратова; Рост. гос. ун-т им. М.А. Сулова. Ростов н/Д., 1986. С. 35.

¹³ Там же. С. 125.

¹⁴ Зиновьева Н.О., Михайлова Н.Ф. Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации. СПб., 2003. С. 86.

¹⁵ Зиновьева Н.О., Михайлова Н.Ф. Указ. соч. С. 87.

¹⁶ Дозорцева Е.Г. Психологический подход к решению вопросов комплексной судебной-психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних обвиняемых // Клинические и биологические проблемы общей и судебной психиатрии. М., 1988. С. 88–92.

Таблица 1

Возрастные показатели характеристик поведения несовершеннолетних после сексуального насилия

Возраст	Характеристики поведения
От 1 до 3 лет	Свойственны страхи, спутанность чувств, нарушения сна, потеря аппетита, агрессия, страх перед чужими людьми, сексуальные игры
От 3 до 6 лет	Свойственны эмоциональные нарушения (тревога, боязливость, спутанность чувств, чувство вины, стыда, беспомощность, испорченность), поведенческие нарушения (регресс, отстраненность, агрессия, сексуальные игры, мастурбация)
От 6 до 9 лет	Свойственны амбивалентные чувства по отношению к взрослым, выражены сложности в определении семейных ролей, страх, чувство стыда, отвращения, испорченности, недоверие к миру; отстраненность, агрессия, молчаливость либо неожиданная разговорчивость, нарушения сна, нарушения аппетита, ощущение «грязного тела», сексуальные действия с другими детьми
От 9 до 13 лет	Свойственны депрессия, диссоциативные эпизоды — чувство потери ощущений; в поведении: изоляция, манипулирование другими детьми с целью получения сексуального удовлетворения, противоречивое поведение
От 13 до 18 лет	Свойственны отвращение, стыд, вина, недоверие, амбивалентные чувства по отношению к взрослым, сексуальные нарушения, несформированность социальных ролей и своей роли в семье, чувство собственной ненужности; в поведении: попытки суицида, уходы из дома, агрессия, избегание телесной и эмоциональной интимности, непоследовательность и противоречивость поведения

Таблица № 2

Формы поведения несовершеннолетних, перенесших сексуальное насилие

Экстрапунитивные формы поведения	Интрапунитивные формы поведения
Визг; нытье; жажда победы и самоутверждение любой ценой; обман в игре; стремление к совершенству; крайнее хвастовство и самохвальство; раздача (подкуп) своих денег, игрушек или конфет; обвинение во всем других; желание многих вещей; использование различных приемов привлечения внимания (шутовство, поддразнивание других детей, антисоциальное поведение — воровство, ложь, драки, порча вещей и т.д.)	Излишняя самокритика, замкнутость, стыдливость, извинение по каждому поводу, пугливость по отношению к новым стимулам, неспособность к принятию решения или выбора, подчеркнуто защищающее поведение, чрезмерные попытки всегда и всем нравиться

Типология характеристик поведения жертв сексуального насилия

Характеристика 1 типа	Характеристика 2 типа
Ригидность, заторможенность, повышенная внушаемость, подчиняемость, нерешительность, доверчивость, эмоциональной неустойчивость, трудность прогнозирования последствий своих действий, дезорганизация мыслительной деятельности с реакцией растерянности в стрессовых условиях	Педагогическая запущенность, не сформированы морально-этические установки, возбудимость, расторможенность, слабость волевого контроля

В данной типологии можно отметить, что в основном оцениваются эмоциональные состояния, способы контроля поведения, данные характеристики носят обобщенный характер. Предложенные классификации отражают основные проявления поведенческих реакций на совершенное или совершаемое насилие.

Для описания индикаторов невербального поведения несовершеннолетних после психологической травмы, связанной с сексуальным насилием, за основу возьмем таблицу В.А. Лабунской «Ведущие системы отражения невербального поведения»¹⁷. Критерии, по которому будут оцениваться индикаторы невербального поведения, — это степени конгруэнтности. В психологическом словаре конгруэнтность понимается как «состояние, когда все внутренние убеждения, стратегии и схемы поведения человека пребывают в полном согласии и нацелены на достижение намеченного результата»¹⁸. Степени конгруэнтности — это показатели согласованности, адекватности движений, отражающих проявление психологической травмы. Необходимо их изучение как структурного образования, имеющего свои составляющие, особенности взаимодействия, т.е. чем больше несогласований (изменений) в поведении несовершеннолетнего (амбивалентность, демонстративность/неуверенность, трусость/бравата или вызов и др.), тем больше можно полагать, что в отношении него было или совершается насилие. Ведущие индикаторы в описании невербального поведения несовершеннолетних после психологической травмы, связанной с сексуальным насилием, относятся к оптической системе отражения — *кинестике*. При этом интерпретация содержания жестов, взглядов, поз, принимаемых телом, связана с открытостью/закрытостью, доброжелательностью/противостоянием, зажатостью/раскованностью и др. Экстралингвистика помогает выявить признаки эмоциональных состояний, а именно взвол-

нованность, спокойствие, доминантность, усталость. Например, частые вздохи, сухой кашель — это показатель тревожного, фрустрированного состояния или невроза. В просодических показателях: громкость голосового тона, понятное, разборчивое произношение слов, звуков, окончаний, частиц указывает на доминантную позицию, самоконтроль, самодисциплину, уверенность. В такесике (по физическому контакту и расположению тела) можно определить степень близости (доверия), открытости/закрытости, статусно-ролевые отношения. Запахи на несознаваемом уровне определяют принадлежность к той или иной группе (идентификация) — «свой» или «чужой». Рассогласованность в ольфакторной системе может выражаться в запахах, которые не свойственны полоролевому поведению, например, если девочки используют грубые, резкие запахи, а мальчики — нежные, мягкие.

В ведущих системах отражения невербального поведения представлены степени конгруэнтности индикаторов поведения несовершеннолетних после психологической травмы, связанной с сексуальным насилием (см. табл. 4)

Таким образом, выявление невербальных индикаторов поведения несовершеннолетних после психологической травмы, связанной с сексуальным насилием, является важной научной задачей, помогающей раскрыть преступление против несовершеннолетнего. При этом хотелось бы отметить, что «невербальные знаки могут являться как продуктами культуры, так физиологическими и психофизиологическими проявлениями организма»¹⁹. Поэтому содержательная дифференцированность и направленность интерпретации индикаторов невербального поведения обусловлены, с одной стороны, социально-психологическими характеристиками личности несовершеннолетнего,

¹⁷ Лабунская В.А. Указ. соч. С. 74.

¹⁸ Большой психологический словарь // сост. Б. Мещеряков, В. Зинченко. М., 2004.

¹⁹ Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий) : научно-практическое пособие / А.М. Багмет, А.Н. Гусев, Е.Н. Холопова и др. ; Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. М., 2018. С. 69.

Степени конгруэнтности индикаторов поведения несовершеннолетних после психологической травмы, связанной с сексуальным насилием

Индикаторы	Слабо выражены	Согласованы (норма)	Высокая степень рассогласованности
1. Кинесика (оптическая)			
Жесты			+
Экспрессия лица	+		
Взгляд			+
Позы	+		+
Интонационно-ритмические характеристики голоса		+	
прикосновения			+
2. Экстралингвистика (акустическая)			
Паузы		+	
Кашель			+
Вздых			+
Смех			+
Плач			+
Просодика (акустическая)			
Темп			
Тембр		+	
Высота		+	+
Громкость	+		
3. Такесика (тактильно-кинестетическая)			
Рукопожатие	+		+
Поцелуй			+
Похлопывание			+
Поглаживание			+
4. Запахи (ольфакторная)			
Запах тела		+	
Запах косметики			+

а, с другой стороны, его окружением, средой (родители, сверстники, знакомые). Интерпретация невербальных показателей в ситуации общения направлена на получения образа «Я», образа социального окружения и взаимодействия в ситуации общения, несовершеннолетнего.

При интерпретации невербального поведения очень важно учитывать степень выраженности индикаторов, которая зависит от степени конгруэнтности. Рассогласованность индикаторов (показателей) конгруэнтности отражает высокую степень возможности того, что в отношении несовершеннолетнего было или совершается сексуальное насилие. При этом если после психологической травмы, связанной с сексуальным насилием, несовершеннолетний использовал такие защитные механизмы, как вытеснение или деперсонализация, представляется необходимым использовать комплексный анализ интерпретации невербальных индикаторов на травмирующее событие. Поэтому интерпретация невербального поведения зависит от содержательной дифференцированности индикаторов, а также от соотношения содержательных компонентов с эмоционально-оценочными про-

явлениями на значимое травмирующее событие в ситуациях общения.

Учитывая пилотажность исследования, можно говорить не о строгих закономерностях, а всего лишь о тенденциях, показывающих роль невербальных индикаторов в поведении несовершеннолетних и нуждающихся в более тщательной проверке и эмпирическом подкреплении.

Литература

1. Багмет А.М. Предупреждение сексуального насилия в отношении несовершеннолетних / А.М. Багмет, В.В. Бычков // Российский следователь. 2017. № 10. С. 33–36.
2. Блейхер В.М. Толковый словарь психиатрических терминов / В.М. Блейхер, И.В. Крук ; под редакцией С.Н. Боккова. Воронеж : МОДЭК, 1995. 640 с.
3. Васильченко Г.С. Сексуальные нарушения при акцентуациях характера и психопатиях / Г.С. Васильченко, Ю.А. Решетняк // Сексопатология : справочник / Т.Е. Агаркова [и др.] ; под редакцией Г.С. Васильченко. Москва : Медицина, 1990. С. 439–450.
4. Дозорцева Е.Г. Психологический подход к решению вопросов комплексной судебной-психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних обвиняемых / Е.Г. Дозорцева // Клинические и биологические проблемы общей и судебной психиатрии : сборник научных трудов / ВНИИ общ. и судеб. психиатрии им. В.П. Сербского ; под редакцией Г.В. Морозова. Москва : ВНИИОИСП, 1988. 168 с.

5. Зиновьева Н.О. Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации / Н.О. Зиновьева, Н.Ф. Михайлова. Санкт-Петербург : Речь, 2003. 248 с.
6. Комиссарова Я.В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений / Я.В. Комиссарова, В.В. Семенов. Москва : Юрлитинформ, 2004. 224 с.
7. Лабунская В.А. Невербальное поведение: социально-перцептивный подход / В.А. Лабунская ; ответственный редактор И.П. Шкуратова. Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1986. 135 с.
8. Лунева С.И. Невербальные индикаторы ложной информации, получаемой от опрашиваемого лица / С.И. Лунева // Юридическая психология. 2016. № 2. С. 15–17.
9. Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий) : научно-практическое пособие / А.М. Багмет, А.Н. Гусев, Е.Н. Холопова [и др.]. Москва : Московская академия СК России ; ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна ФМБА России, 2018. 191 с.
10. Паршин Н.М. Семейное и внесемейное насилие как фактор деформированного становления личности / Н.М. Паршин // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 4. С. 123–125.
11. Петрова Л.Г. К вопросу о влиянии перенесенного сексуального насилия в малолетнем или несовершеннолетнем возрасте на дальнейшее развитие личности / Л.Г. Петрова // Эксперт-криминалист. 2013. № 2. С. 16–17.
12. Психология поведения жертвы : учебное пособие / под редакцией В.Е. Христенко. Ростов-на-Дону : Феникс, 2004. 240 с.
13. Слободская Е.Р. Психическое здоровье детей и подростков: распространенность отклонений и факторы риска и защиты / Е.Р. Слободская // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2008. № 2. С. 8–21.
14. Ячина А.С. Некоторые аспекты судебно-экспертного исследования виктимности несовершеннолетних при половых преступлениях / А.С. Ячина, Т.В. Савкина, О.С. Бабичева // Теория та практика судової експертизи і криміналістики : Зб. матер. міжнар. наук.-практ. конф. Харків : Право, 2009. Вип. 9. С. 532–538.
15. Ященко А.С. К вопросу о дефинициях терминов «Изнасилование» и «Насильственные действия сексуального характера» и их соотношении / А.С. Ященко // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1. С. 203–206.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОВД

Простяков Владимир Вениаминович,
доцент Московского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат психологических наук
prost2012@mail.ru

Касьянова Екатерина Александровна,
слушатель Московского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Kataniknet@icloud.com

Статья посвящена социально-психологическим аспектам профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел, причинам образования и вопросам ее профилактики.

Ключевые слова: профессиональные деструкции, личность, профессиональная деформация, объективные и субъективные факторы, профессиональная деятельность, психологическая подготовка.

SOCIOPSYCHOLOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL DEFORMATION OF THE INTERNAL AFFAIRS DEPARTMENTS' PERSONNEL

Prostyakov Vladimir V.
Associate Professor of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
PhD in Psychological Sciences

Kasyanova Ekaterina A.
Student of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the problems of the influence of professional deformation of internal affairs officers on their activities. The causes and conditions that contribute to the occurrence of deformation, the stage of its occurrence, methods of detection, as well as methods of prevention are shown.

Keywords: professional deformation of personality, objective and subjective factors, methods of detection, prevention.

Исследованием проблемы влияния профессии на личность человека занимаются как отечественные, так и зарубежные психологи, в работах которых отмечено как положительное влияние специфики деятельности на человека, в частности процесс профессионального развития, совершенствование своих знаний, умений и навыков, развитие профессиональных способностей, так и отрицательное воздействие, направленное в первую очередь на изменение личностных характеристик.

Любая профессиональная деятельность уже на стадии освоения, а в дальнейшем при регулярном выполнении, деформирует личность¹.

Психологические особенности и закономерности трудовой деятельности человека, содержание практических рекомендаций по обеспечению ее эффективности и безопасности являются в той или иной степени специфическими для каждой специальности и профессии. Эта специфичность, подчас уникальность, определяется конкретным содержанием ряда характеристик компонентов трудовой деятельности (средств, процесса, условий организации, субъекта труда)². Повседневное выполнение одних и тех же обязанностей, применение одних и тех же качеств, необходимых в работе, постепенно унифицирует людей, сглаживает различия и, как следствие, человек, приходя на работу, надевает определенную маску, а иногда переносит этот образ и в личную жизнь.

Одной из составляющих государственной профессиональной деятельности является служба в правоохранительных органах, относящихся к ряду наиболее «сложных» профессий, предъявляющих высокие, порой завышенные требования к сотрудникам.

В условиях современного развивающегося общества особую роль играет квалификация, профессиональная подготовка, потенциал сотрудников правоохранительных органов. Во многом от полиции зависит итоговое состояние стабильности и правопорядка в социуме, однако данная структура также имеет множество внутренних проблем, от решения которых зависит и будущее развитие ситуации³.

К одной из таких проблем можно отнести поэтапно накопившиеся устойчивые изменения структуры и содержания деятельности, личности сотрудника в виде профессиональных деструкций,

ставшие заметными в ходе реформы системы МВД России.

Э.Ф. Зеер выделяет основные детерминанты профессиональных деструкций: объективные, связанные с социально-профессиональной средой (социально-экономическая ситуация, имидж и характер профессии, профессионально-пространственная среда); субъективные, обусловленные особенностями личности и характером профессиональных отношений; объективно-субъективные, порождаемые системой и организацией профессионального процесса, качеством управления, профессионализмом руководителей⁴.

С развитием и формированием правовой культуры и юридической грамотности россиян сотруднику полиции необходима не только высокая профессиональная подготовка, но и устойчивые морально-психологические качества, стремление противостоять влиянию факторов профессиональной деформации.

Профессиональная деформация — это следствие изменения профессиональных и личностных качеств сотрудников органов внутренних дел под действием негативных факторов деятельности и окружающей среды.

При рассмотрении объективных психологических факторов, влияющих на профессиональную деформацию сотрудников правопорядка, прежде всего необходимо отдельно отметить имидж и характер профессии, т.е. восприятия ее социумом. По мнению ряда исследователей, на протяжении достаточно длительного времени, особенно после распада СССР, «милиция (а позднее и полиция) не только не расценивалась как орган, призванный оберегать и защищать человека от противоправных действий других лиц, но и зачастую воспринималась как силовая структура, несущая в себе угрозу интересам граждан»⁵. На восприятие людьми образа полицейского в нашей стране всегда сильное влияние оказывают средства массовой информации. Так, формируемый в глазах общественности образ сотрудника ОВД на протяжении двух десятилетий зачастую являлся собирательно-негативным, что влекло недоверие и предвзятое отношение части населения к полицейским. В настоящее время отношение граждан к деятельности полиции меняется в положительную сторону, но, к сожалению, медленно и трудно. Такое отношение граждан к сотрудникам органов внутренних дел приводит со временем к возникновению у некоторых из них профессионального бессилия и формирует неуверенность в своей профессии.

¹ Безносков С.П. Профессиональная деформация личности. СПб. : Речь, 2004. С. 272.

² Простяков В.В. Психологические требования к личности и профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие. Москва : Русимпо, 2013. С. 25.

³ Тюнь А.П. Полиция как институт обеспечения правопорядка, стабильности в представлениях россиян (на материалах эмпирического анализа) // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2018. № 1 (66). С. 40.

⁴ Зеер Э.Ф. Психология профессий. М. : Академический проект, 2008. С. 336.

⁵ Виноградова В.С. Правовой статус полиции в современной России: теоретико-инструментальный и сравнительный анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 4.

В то же время следует отметить недостаточное внимание государственных структур к деятельности сотрудников ОВД, в частности социальном и финансовом обеспечении. Так, постоянные финансовые трудности, связанные с редкой индексацией заработной платы, практически отсутствие действующих программ по обеспечению жильем унижают их профессиональное достоинство и вызывают неудовлетворенность своим трудом. Отсутствие стимула и мотивации, а также неуверенность в завтрашнем дне и неспособность материально обеспечить близких часто приводит к развитию профессиональной деформации личности.

В целом к объективным факторам следует отнести особенности профессиональной деятельности сотрудников ОВД при выполнении ими своих непосредственных обязанностей и оценка государственными структурами их труда.

К следующей группе факторов, влияющих на профессиональную деформацию личности сотрудников, относят субъективные, которые условно делят на три группы: факторы, связанные со спецификой деятельности правоохранительных органов; факторы, обусловленные особенностями личности сотрудников органов внутренних дел, и факторы социально-психологического характера.

К первой группе факторов причисляют детальную правовую регламентацию, а также повышенную опасность деятельности, строгую ответственность за результат своей работы, психические и физические перегрузки, непосредственный контакт с правонарушителями, наличие властных полномочий и т.д.

Ко второй группе, влияющей на деформацию личности, относятся: неадекватный возможностям сотрудника уровень притязаний и завышенные личностные ожидания, недостаточная профессиональная подготовленность, опыт, навыки, особенности социально-психологической дезадаптации сотрудников ОВД, изменение мотивации деятельности и т.д.

Третья группа факторов характеризуется часто нетактичным стилем руководства с подчиненными, негативным влиянием ближайшего окружения вне службы, нарастающим расслоением общества по уровню жизни, низкая общественная оценка деятельности и т.д.

Развитие профессионально-нравственной деформации личности сотрудников органов дел при наличии указанных факторов условно можно разделить на три уровня. На начальном происходят малозаметные изменения личности, касающиеся снижения остроты восприятия отрицательных и психотравмирующих факторов деятельности, кроме того, на этом уровне деформация даже способствует решению определенных служебных задач. На сред-

нем уровне наблюдается постепенная гипертрофия, чрезмерная выраженность профессионально важных качеств и их превращение в свою противоположность. Профессиональные интересы начинают занимать главенствующее место и подчинять все другие. Постепенно происходит подмена понятий определенных норм собственным толкованием и мировоззрением. На глубинном уровне возникает социопрофессиональная изоляция. Личность переоценивает свои возможности, при этом полностью завися от профессии. На данном этапе у сотрудников возникают серьезные срывы и неудачи, связанные с ослаблением внутреннего контроля, самоуверенностью, нежеланию искать новые подходы к решению служебных задач.

Для выявления профессиональной деформации целесообразно воспользоваться опросниками, с помощью которых можно определить уровень деформации личности, ее причины. К числу основных относят: недостаточно четкие критерии оценки результатов работы; отсутствие уверенности в их объективности, несоответствие выполняемых функций уровню квалификации и профессиональной подготовки сотрудников, неудовлетворенность справедливостью системы поощрения и наказания, малая привлекательность используемых форм поощрения и наказания, денежное обеспечение, социальная обеспеченность и т.д. Также при исследовании могут использоваться такие методы, как наблюдение, тестирование, анализ результатов деятельности и т.д.

Необходимо отметить, что в ходе своей профессиональной деятельности в условиях провозглашения курса на построение гражданского общества сотруднику органов внутренних дел необходима не только высокая профессиональная подготовленность, но и устойчивые морально-психологические качества, готовность противостоять влиянию факторов профессиональной деформации⁶.

Именно поэтому вопросу профилактики профессиональной деформации необходимо уделять особое внимание. Одной из задач такой профилактики является препятствование развитию и сглаживание имеющихся признаков деформации. В данном направлении здесь можно отметить работу ведомственных психологов, сотрудников по работе с личным составом, руководителей, которые непосредственно обязаны принимать необходимые меры по выявлению и недопущению личностных изменений. Для этих целей следует использовать способы психопрофилактического характера, такие как разъяснительные беседы о

⁶ Простяков В.В. Психологические требования к личности и профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие. С. 26.

причинах и последствиях профессиональной деформации, индивидуальное консультирование, психологическую поддержку, социально-психологический тренинг и др.

При этом психологическая поддержка и контроль, дисциплинарные меры могут в лучшем случае содействовать профилактике внешних проявлений профессиональной деформации, задать импульс изменению наблюдаемого поведения сотрудника. Само же явление профессиональной деформации личности без «внутренней работы» индивида будет принимать более скрытые и изощренные формы⁷.

Особенность психологической работы по профилактике личностных деформаций у сотрудников органов внутренних дел заключается в том, что их преодоление возможно только при наличии желания и возможностей самой личности развиваться, путем самообразования и самовоспитания.

Важными субъектами профилактики и коррекции профессиональной деформации могут выступать семья, а также родные и близкие, чьи интересы и род деятельности не связаны со службой в органах внутренних дел.

Вывод: формирование личности сотрудника ОВД — это многогранный процесс приобретения личных и профессиональных качеств путем освоения современного законодательства, исполнения соответствующих ведомственных установок,

⁷ Простяков В.В. Психологические требования к личности и профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие. С. 35.

преобразование полученных знаний и навыков в убеждения и привычки.

Профессиональная психологическая подготовка сотрудников правоохранительных органов должна включать не только формирование навыков и умений для действий в экстремальных ситуациях, но и обучать преодолению деструктивного воздействия, неблагоприятных факторов и развивать психологическую устойчивость к стрессогенному влиянию профессиональной деятельности.

Литература

1. Безносов С.П. Профессиональная деформация личности / С.П. Безносов. Санкт-Петербург : Речь, 2004. 270 с.
2. Виноградова В.С. Правовой статус полиции в современной России: теоретико-инструментальный и сравнительный анализ : диссертация кандидата юридических наук / В.С. Виноградова. Краснодар, 2014. 201 с.
3. Зеер Э.Ф. Психология профессий / Э.Ф. Зеер. Москва : Академический проект, 2008. 329 с.
4. Простяков В.В. Психологические требования к личности и профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие / В.В. Простяков. Москва : Русимпо, 2013.
5. Простяков В.В. Социальный интеллект как детерминанта профессиональной пригодности сотрудников — выпускников образовательных учреждений правоохранительных органов / В.В. Простяков, С.Н. Федотов // Юридическая психология. 2013. № 4. С. 31–35.
6. Тюнь А.П. Полиция как институт обеспечения правопорядка, стабильности в представлениях россиян (на материалах эмпирического анализа) / А.П. Тюнь // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2018. № 1 (66). С. 39–43.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЕЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ В УПРАВЛЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА)

Цветков Юрий Анатольевич,
директор Научно-исследовательского института
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
yuisvet@yansex.ru

Исследование направлено на изучение фактора справедливости в управлении персоналом. В концептуально-методологическом плане оно построено на стыке поведенческой экономики и управленческой психологии. В качестве эмпирической базы представлены результаты модельного эксперимента, проведенного методом ситуационного моделирования. Полученные данные позволили сделать вывод о высокой психологической значимости справедливости для большинства следователей.

Ключевые слова: следователь, справедливость, управление, поведенческая экономика, когнитивная психология.

JUSTICE AND ITS PSYCHOLOGICAL IMPORTANCE IN MANAGEMENT (ON THE EXAMPLE OF AN INVESTIGATIVE AUTHORITY)

Tsvetkov Yuriy A.

Director of the Research Institute of the Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

The research is aimed at studying the equity factor in personnel management. Conceptually and methodologically, it is built at the intersection of behavioral Economics and management psychology. The empirical basis presents the results of a model experiment carried out by modeling the situation. The data obtained allowed us to conclude that justice is of great psychological importance for the majority of investigators.

Keywords: investigator, justice, management, behavioral economics, cognitive psychology.

Восстановление социальной справедливости является одной из базовых целей системы уголовной юстиции. Она находит свое отражение как в принципах уголовного права (ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации), так и положениях, определяющих назначение уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Во многих европейских языках в качестве латинского наследия слово «справедливость» переводится как «юстиция» (justice). Если условия работы представителей органов юстиции (следователей, прокуроров и судей) не соответствуют этим высоким целям, возникает почва для формирования когнитивного диссонанса и, как следствие, профессионального цинизма. Чтобы такого диссонанса не возникло, профессионально-психологическая среда, в которой они находятся, должна быть «пропитана» справедливостью. Соответственно, одной из задач управления органами юстиции в целом и следственными органами в частности является культивирование такой среды.

Справедливость относится к вечным проблемам человечества, что само по себе придает неуывающую актуальность любым исследованиям на эту тему. До конца XX в. казалось, что эта проблема принципиально неразрешима. Однако прорыв последних трех десятилетий в исследованиях экономического поведения дал ключ к ее научному пониманию. Поведенческая экономика — это область знания на стыке психологии и экономики. В ней не признается презумпция рационального выбора. Проводимые в ее рамках исследования сфокусированы на примерах аномального с точки зрения экономической классики поведения. При таком поведении решения определяются не соображениями выгоды, а другими мотивами, в том числе нравственного порядка. Решающее влияние на становление и развитие поведенческой экономики оказали исследования в области когнитивной пси-

хологии, в первую очередь проведенные нобелевским лауреатом Д. Канеманом¹.

В 1982 г. немецкие экономисты В. Гут, Р. Шмиттбергер и Б. Шварце провели эксперимент «Ультиматум». Один из участников эксперимента должен разделить деньги с другим участником. Он сам определяет ту сумму, которую передаст второму игроку. Если его партнер откажется от этой суммы, то деньги не достанутся никому. Согласно постулатам классической либеральной экономики и теории игр человек делает рациональный выбор, а значит, для него любая сумма денег — это всегда лучше, чем ничего. Однако эксперименты показали, что первый игрок, как правило, оставляет себе либо половину, либо немного больше (55–60%), а остальное отдает второму игроку. В тех немногих случаях, когда первый игрок отдает второму менее 20%, последний практически всегда отказывается от получения денег по принципу: «Пусть уж лучше они не достаются никому»². О влиянии эксперимента на развитие научной мысли говорит тот факт, что на статью, в которой он описан, сделано уже более 1800 ссылок в Scopus.

Р. Талер совместно с Д. Канеманом усложнили этот эксперимент и дали ему название «Диктатор». Теперь первый участник мог разделить деньги либо строго пополам, либо в соотношении 80:20. Вторым участником обязан был принять любую сумму, которую ему предложит первый. Почти три четверти участников разделили деньги по ровну. Продолжением этого эксперимента стала игра «Возмездие». Третьему участнику предложили разделить либо большую сумму с тем, кто поступил в эксперименте «Диктатор» несправедливо, либо меньшую сумму с тем, кто стал жерт-

¹ См.: Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро / пер. с англ. А. Андреевой, Ю. Деглиной, Н. Парфеновой. М.: АСТ, 2016. 653 с.

² Güth W., Schmittberger R., Schwarze B. An experimental analysis of ultimatum bargaining // Journal of economic behavior & organization. 1982. Vol. 3. No. 4. P. 367–388.

вой несправедливости. Третий участник выбирал меньшую сумму и делил ее с жертвой несправедливости, чтобы несправедливый игрок не получил вообще ничего³. В 2017 г. Р. Талер удостоился Нобелевской премии по экономике. Факт ее присуждения означает мировое признание поведенческой экономики, которая из маргинального течения в одночасье превратилась в престижное научное направление.

Весь каскад экспериментов многократно повторялся в разных странах с представителями различных народов и социальных классов. Результаты везде оказались одинаковыми. Они дают основания сделать ряд фундаментальных научных обобщений. Во-первых, справедливость для человека важнее материальной выгоды. Во-вторых, она одинаково важна для всех людей независимо от их биологических и социальных различий. В-третьих, базовые предпосылки классической либеральной экономики не верны: человек не всегда поступает рационально.

Все эти эксперименты, однако, проводились в малых группах и, следовательно, распространить их результаты допустимо только в отношении узких сообществ. Футуролог из Иерусалимского университета Ю. Харари полагает, что применительно к широким людским массам эти выводы неприемлемы. Многие империи и царства, где неравенство достигало крайней степени, были весьма стабильны и эффективны. Не одно поколение их населявших народов терпело массовую несправедливость как нечто естественное. Большие группы людей ведут себя совершенно иначе, чем малые. «Любое наше масштабное взаимодействие зиждется на вере в воображаемый порядок», даже если этот порядок абсолютно несправедлив⁴.

Уголовное судопроизводство можно описать и как взаимодействие внутри малых групп, образующихся вокруг конкретного уголовного дела, и как масштабное взаимодействие государства и общества по поводу того, в каких формах должно происходить восстановление права, индивидуальный акт отрицания которого происходит в каждом конкретном преступлении. Так, в октябре 2018 г. О.Л. Васильев, доцент юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, защитил докторскую диссертацию, выбрав полем своего исследования феномен справедливости в уголовном судопроизводстве (на досудебных стадиях) как макросистеме⁵. Работы с такими масштабными

исследовательскими объектами носят в основном спекулятивный характер. Мы решили сосредоточиться на уровне малых групп — следственных органов — и провести экспериментальное исследование. Было бы странным, как можно сделать справедливой крупную систему, не добившись справедливости в малых группах, ее составляющих?

Кроме того, мы существенно сместили исследовательский ракурс с «идеальной» справедливости на «сравнительную» справедливость. Большинство теорий справедливости посвящено описанию абсолютно справедливых обществ. Концепция О.Л. Васильева выстроена в той же исследовательской парадигме. В ней предложены институциональные реформы, направленные на построение справедливой системы досудебного производства в уголовном процессе. Лауреат Нобелевской премии по экономике за 1998 г. индийский ученый А. Сен подчеркнул, что куда более важным является вопрос о том, как выявить и устранить несправедливые порядки, которые действительно можно исправить, не прибегая к масштабным социальным реформам и революциям. Ведь источниками несправедливости чаще всего оказываются не сами институты или законы, а поведенческие отклонения⁶.

Мы провели модельный эксперимент с участием следователей следственных отделов и отделов по расследованию особо важных дел следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации по субъектам федерации (n = 121). В ходе эксперимента мы смоделировали конкретную управленческую ситуацию, в которой должны были проверить поведение следователя, в отношении которого руководитель допустил несправедливость. Нашей целью было выяснить психологическую потребность следователя в восстановлении справедливости в отношении себя самого, т.е. в устранении совершенной в отношении него несправедливости. Для этого потребовалось решить более детальные исследовательские задачи: 1) готов ли следователь предпочесть восстановлению справедливости деньги; 2) влияет ли размер денежной компенсации на силу потребности в справедливости (т.е. является ли ее ценность относительной) либо она имеет абсолютную ценность.

Следователи по условиям эксперимента должны были принять решение в трех ситуациях, причем каждая последующая ситуация предъявлялась после того, как была решена предыдущая. Все три ситуации имели общие условия:

³ См.: Талер Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / пер. с англ. А. Прохоровой. М.: Эксмо, 2018. С. 152–158.

⁴ Харари Ю.Н. Номо Деус. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2018. С. 164–170.

⁵ Васильев О.Л. Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018.

⁶ Сен А. Идея справедливости / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 13–17.

Вы — хороший следователь. Сделали по делу все, что было возможно, но доказать вину не удалось, и дело прекратили. Руководитель следственного управления не разобрался и на общем собрании всего состава управления назвал вас бездарным следователем, сказал, что вы загубили перспективное дело. Позже он навел о вас справки, внимательно изучил уголовное дело и убедился, что оно было расследовано качественно. У него есть два варианта дальнейших действий в отношении вас. Выберите только один вариант, который бы вы предпочли, чтобы руководитель следственного управления:

а) выплатил вам денежную премию;

б) на очередном совещании публично признал, что был не прав, что вы — хороший следователь и сделали по делу все, что было возможно, однако дело пришлось прекратить по объективным причинам.

Каждая ситуация отличалась от предыдущей только вариантом «а», т.е. размером денежной премии: в первом случае — 2 тыс., во втором — 20 тыс. и в третьем — 200 тыс. рублей. Они соответствуют тем размерам премий, которые в принципе могут быть выданы в следственных органах с учетом сложившейся практики (минимальный, средний и максимальный). В соответствии с вариантами решения следователи распределились на четыре группы (рис. 1).

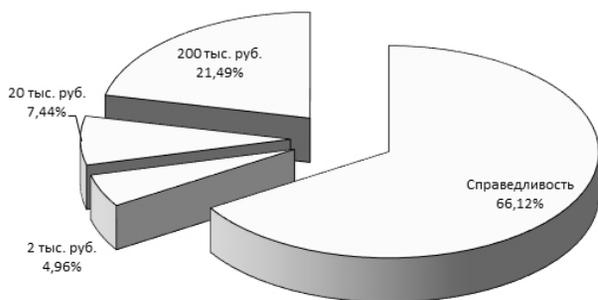

Рис. 1. Распределение следователей по результатам эксперимента

Результаты эксперимента дают основания для следующих выводов.

Во-первых, подавляющее большинство (2/3) следователей — это люди, для которых справедливость имеет абсолютную ценность. Устранение совершенной в отношении них несправедливости и восстановление своей профессиональной репутации они в материальные активы не конвертируют.

Во-вторых, лишь самая малая часть следователей (≈5%) принадлежит к чистому типу Homo Economicus. В ситуации выбора между идеальными и материальными ценностями они принимают ра-

циональное решение в пользу денег независимо от их суммы.

В-третьих, существует достаточно многочисленная (≈30%) группа следователей, для которой справедливость представляет относительную ценность, и готовность отказаться от нее зависит от величины материального замещения. В принципе они согласны конвертировать восстановление справедливости в материальные активы. Моральные ценности они свободно «переводят» в материальные, давая им конкретную денежную оценку, либо отказываются от замещения, если оценивают моральный вред дороже.

По поводу интерпретации результатов эксперимента может возникнуть возражение, заключающееся в том, что фактически восстановление справедливости происходит в обоих вариантах выбора (в пользу денег или извинений), но предпочтение, в силу индивидуальных особенностей, отдается в пользу какого-то определенного средства — материального или морального соответственно. Те участники эксперимента, кто предпочитал публичным извинениям деньги, полагали, что таким образом справедливость как раз и будет восстановлена.

Приведенное выше толкование результатов эксперимента основано на подмене понятий. При получении премии несправедливость не устраняется — профессиональная репутация следователя так и остается незаслуженно опороченной. Руководитель не совершает над собой морального насилия и не признает публично своей неправоты. Он фактически выкупает у пострадавшего эту свою моральную обязанность, а тот за деньги продает ему право на восстановление своего доброго имени. Кстати, если приводить аналогию с гражданским правом, где в пользу пострадавшего взыскивается компенсация морального вреда в денежной форме, то там такого отказа не происходит. Наряду с денежной компенсацией суд налагает на ответчика обязанность опровержения порочащих сведений, принесения извинений либо самим актом принятия решения от имени государства публично восстанавливает репутацию истца. Таким образом, интерпретация результатов эксперимента в дискурсе справедливости представляется вполне обоснованной.

Отражает ли такое распределение общую тенденцию, свойственную людям в целом, либо в смешанной выборке группа людей, готовых отказаться от значительной суммы денег, эквивалентной доходу за 4–5 месяцев (именно такой эквивалент представляют собой 200 тыс. руб. для следователя), будет значительно меньше, чем в выборке следователей? Достоверно ответить на этот вопрос, можно только проведя соответствующее исследование. Однако тот факт, что для подавляющего большинства следователей справед-

ливость представляет абсолютную ценность, является неплохой почвой для оптимизма. Люди, выбравшие своей профессией служение юстиции, заслуживают того, чтобы руководители относились к ним справедливо.

Литература

1. Васильев О.Л. Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса : диссертация доктора юридических наук / О.Л. Васильев. Москва, 2018. 376 с.
2. Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро / Д. Канеман ; перевод с английского А. Андреевой, Ю. Деглиной, Н. Парфеновой. Москва : АСТ, 2016. 653 с.

3. Сен А. Идея справедливости / А. Сен ; перевод с английского Д. Кралечкина. Москва : Изд-во Института Гайдара, 2016. 520 с.
4. Талер Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / Р. Талер ; перевод с английского А. Прохоровой. Москва : Эксмо, 2018. 368 с.
5. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Ю.Н. Харари ; перевод с английского А. Андреева. Москва : Синдбад, 2018. 496 с.

References

1. Güth W. An experimental analysis of ultimatum bargaining / W. Güth, R. Schmittberger, B. Schwarze // Journal of economic behavior & organization. 1982. Vol. 3. No. 4. P. 367–388.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КУРСАНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Казаква Лариса Петровна,
старший преподаватель кафедры психологии
Военного университета Министерства обороны Российской Федерации,
кандидат психологических наук
kazakovalp@yandex.ru

Маклакова Таисия Юрьевна,
старший преподаватель кафедры психологии
Военного университета Министерства обороны Российской Федерации,
кандидат психологических наук
ironova.taisiya@yandex.ru

Лозинская Олеся Александровна,
преподаватель кафедры психологии
Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
lexx8106@mail.ru

В статье с позиции концепции «сложности социальной идентичности» С. Роккас и М. Брюер (S. Roccas, M. Brewer) анализируются результаты эмпирического исследования военно-профессиональной идентичности курсантов военного вуза, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности». Авторы делают вывод о значимости гендерных аспектов идентичности для испытуемых-мужчин, получающих военное образование в гендерно-однородной группе. Требования и маскулинные ценности военной профессии вступают в объективное противоречие с необходимостью формирования профессионально важных для специалиста в области психологии служебной деятельности качеств. Идеальное представление курсантов о психологе значительно отличается как от идеального образа офицера, так от образа настоящего мужчины. Однако эмпирические данные позволяют утверждать, что у большинства курсантов, тем не менее, ролевой конфликт не выражен, поскольку сочетание различных аспектов идентичности происходит по механизму преобладания «военной» идентичности над «психологической».

Ключевые слова: идентичность, сложность социальной идентичности, военно-профессиональная идентичность, гендерная идентичность, специалист в области психологии служебной деятельности.

GENDER ASPECTS OF THE MILITARY AND PROFESSIONAL IDENTITY OF CADETS MAJORING IN PSYCHOLOGY OF OFFICIAL ACTIVITIES

Kazakova Larisa P.

Senior Lecturer of the Department of Psychology of the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation
PhD in Psychological Sciences

Maklakova Taisia Yu.

Senior Lecturer of the Department of Psychology of the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation
PhD in Psychological Sciences

Lozinskaya Olesya A.

Lecturer of the Department of Psychology of the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

The article analyzes the results of an empirical study of the military and professional identity of cadets of a military university majoring in Psychology of Official Activities, from the standpoint of the social identity complexity concept elaborated by S. Roccas and M. Brewer. The authors arrive at a conclusion about the importance of gender aspects of the identity for the examined men receiving military education in a gender homogeneous group. The requirements and masculine values of the military profession objectively conflict with the need for the establishment of qualities professionally important for a specialist in psychology of official activities. The cadets' ideal vision of a psychologist seriously differs from the ideal image of an officer and from an image of a true man. However, empirical data make it possible to assert that the role conflict is still not expressed for the majority of cadets as various aspects of the identity are combined through the mechanism of predominance of the 'military' identity over the 'psychological' one.

Keywords: identity, social identity complexity, military and professional identity, gender identity, specialist in psychology of official activities.

Одна из наиболее актуальных проблем междисциплинарных исследований в наши дни — проблема изучения идентичности личности. По признанию многих авторитетных психологов, трактовка понятия «идентичность» все еще далека от однозначности. Появляются все новые теории, в которых рассматриваются различные аспекты феномена идентичности. Одно из направлений психологических исследований идентичности — изучение ее структуры (или в другой трактовке — структуры идентичностей).

С одной стороны, в настоящее время признается условность разделения таких видов идентичности, как социальная и личностная идентичность¹, с другой стороны, ставится вопрос о сложности идентичности и соотношении различных ее аспектов (соотношении различных идентичностей). По выражению Д.А. Леонтьева, «человек в современном обществе не просто социален, а полисоциален, т.е. входит по разным основаниям во множество разных форм социальной организации, ценности, ролевые требования которых не согла-

суются между собой»². «Сложность социальной идентичности», «двойная идентичность», «множественная идентичность», «мультиидентичность», «мозаичная идентичность», «сложносоставная идентичность», «полиидентичность» — обозначения, которыми исследователи описывают специфику идентичности личности, входящей одновременно в несколько реальных и виртуальных социальных групп. Понимание психологических механизмов сочетания различных аспектов идентичности (идентичностей) признается важным для гармонизации межэтнических отношений в поликультурной среде, осуществления политического влияния, гармонизации личности в условиях киберсоциализации и т.д.³

При этом само существование у современного человека единой, последовательной, упорядоченной структуры идентичности ставится под сомнение: «можно предположить, что иден-

¹ Разорина Д.Н. Проблема структуры и динамики идентичности в современной зарубежной социальной психологии // Вестник КемГУ. 2015. № 3-3 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-struktury-i-dinamiki-identichnosti-v-sovremennoy-zarubezhnoy-sotsialnoy-psihologii> (дата обращения: 18.06.2019).

² Леонтьев Д.А. Идентичность личности в полисоциальном мире // Философские науки. 2012. № 11. С. 92.

³ Солдатова Е.Л., Погорелов Д.Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-virtualnoy-identichnosti-sovremennoe-sostoyanie-problemy> (дата обращения: 19.06.2019); Тлостанов М.В. Человек в современном мире: проблема множественной идентичности // Вопросы социальной теории. Человек в поисках идентичности / под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. М., 2010. Т. IV. С. 191–217.

тичность человека — это связь слабо связанных идентичностей»⁴. Благодаря неопределенности и мозаичности идентичностей личность может избегать ролевых конфликтов, связанных с одновременным присутствием в нескольких группах, имеющих несопоставимые ценности и ожидания к их членам. Так, в статье Б. Эшфорта и Ф. Маила⁵ приводятся результаты исследования Элдеров, выявивших, что члены университетской бейсбольной команды разрешали конфликт между спортивной и академической ролями путем определения себя в большей степени как спортсменов, чем как студентов. Б. Эшфорт и Ф. Маил делают вывод о том, что «неотъемлемый конфликт между организационно-ситуативными идентичностями не решается путем объединения несопоставимых идентичностей»⁶.

Одна из концепций, стремящихся найти ответ на вопрос о механизме сочетания социальных идентичностей, — концепция «сложности социальной идентичности» С. Роккас и М. Брюер (*S. Roccas, M. Brewer*)⁷, которая в настоящее время вызывает интерес и отечественных психологов⁸. Понятие «сложность социальной идентичности» вводится для отражения степени «перекрывания» между несколькими группами членства человека. Когда «перекрывание» нескольких групп воспринимается как высокое, у человека возникает относительно простая структура идентичности. При низкой степени перекрытия групп С. Роккас и М. Брюер выделяют четыре типа построения структуры мультиидентичности: 1) пересечение — причисление человеком себя к группе людей, у которых сочетаются две или более идентичностей; 2) преобладание — среди нескольких значимых для человека идентичностей одна является «ведущей»; 3) дробление — различные идентичности человека проявляются в разных ситуациях, в разных социальных контекстах; 4) слияние — различные идентичности одинаково важны для человека, интегрированы. Последний тип идентичности наиболее затратен, требует использования большого количества когнитивных и смысловых ресурсов.

⁴ Эшфорт Б., Маил Ф. Теория социальной идентичности в контексте организации // Организационная психология. 2012. Т. 2. № 1. С. 17. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 23.06.2019).

⁵ Там же. С. 4–27.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Stuart G. The military physician and contested medical humanitarianism: a dueling identity? // Social Science and Medicine. 2014. Vol. 120. P. 421–429. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0277953614002561> (дата обращения: 01.11.17).

⁸ Разорина Д.Н. Указ. соч.; Хухлаев О.Е., Хайт М.А. Сложность социальной идентичности: концепция С. Роккас и М. Брюера // Социальная психология и общество. 2012. № 3. С. 16–26.

Рассмотрение особенностей сочетания профессиональных и гендерных аспектов идентичности (идентичностей) стало актуальным вследствие того, что изменяются представления о гендерных характеристиках профессии, в основном, по причине «отвоевывания» женщинами у мужчин все больших частей профессионального социального пространства. Тем не менее представления о типично «мужских» и типично «женских» профессиях все еще сохраняются в обществе. Об этом, в частности, свидетельствуют исследования Л. Готтфредсон, данные которой приводит А.М. Рикель⁹: в случае необходимости идти на компромисс в выборе профессии или места работы обычно действует следующая иерархия приоритетов: наименее важен интерес к работе, далее — общественная престижность и наиболее значим «гендерный» аспект профессии.

В эмпирических исследованиях становления профессиональной идентичности студентов выявлена связь маскулинности и фемининности с предпочитаемыми видами профессий. Так, при выраженной фемининности или андрогинности студенты ориентированы на профессии «человек — человек», при доминировании маскулинных черт — на профессии «человек — техника» (независимо от половой принадлежности испытуемых)¹⁰.

Анализируя четыре компонента мужской роли, по Р. Бреннону (необходимость отличаться от женщин; быть лучше других; быть независимым и самодостаточным; обладать властью над другими), можно увидеть высокий уровень требований, жесткость ожиданий общества, транслирующихся в традиционном образе мужчины. И.С. Кон отмечает условный характер и отнесенность в прошлое идеального типа «настоящего мужчины». Данное представление теперь существенно изменилось, произошла переоценка ряда качеств, например, агрессивности, которая уместна сейчас лишь в определенных условиях (война, соревновательный спорт...) ¹¹. Представители «военных» и «спортивных» социальных групп, где яркое проявление типично мужских качеств одобряется, продолжают

⁹ Рикель А.М. Профессиональная Я-концепция и профессиональная идентичность в структуре самосознания личности. Часть 1 // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 2 (16). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 22.02.2017).

¹⁰ Ремонтова А.А. Особенности профессионального становления студентов с различными типами гендерной идентичности // Известия ВГПУ. 2013. № 7 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-professionalnogo-stanovleniya-studentov-s-razlichnymi-tipami-gendernoy-identichnosti-1> (дата обращения: 18.06.2019).

¹¹ Кон И.С. Маскулинность как история // Гендерный калейдоскоп / под ред. М.М. Малышевой. М. : Academia, 2002. С. 211.

считать себя настоящими мужчинами¹². Как полагает С.И. Данилов¹³, военно-профессиональная идентичность выполняет защитную функцию в ходе жизнедеятельности военнослужащих.

По мнению И.С. Кона, в социально-демографической группе молодых неженатых мужчин традиционные маскулинные качества выражены наиболее ярко. Пересматривают, смягчают образ традиционной маскулинности те мужчины, которым, по ряду причин, не удалось попасть в «элитарный мужской клуб» маскулинных мужчин¹⁴. Исторические трансформации мужской гендерной идентичности рассматриваются Т.И. Зайцевой¹⁵, которая отмечает, что в настоящее время можно выделить доминантный и альтернативный, традиционный и «новый» типы маскулинности.

В работе Ф. Зимбардо и Н. Коломбе¹⁶ утверждается, что для многих мужчин в современном обществе свойственен так называемый «синдром социальной активности» («мачизм»), что выражается в приверженности к чисто мужским сообществам (военным, спортивным). Пребывание в смешанных в гендерном отношении группах для таких мужчин становится скучным, у них нет стремления проводить время с собственной семьей, а отношения с женщинами эмоционально поверхностны. В профессиональной среде силовых структур («мужских братств») мужчины с высоким уровнем «социальной активности» поддерживают эмоциональную дистанцию с другими членами группы, в группе отсутствуют доверительные отношения, а жалость и опасения за товарища не приветствуются. Ф. Зимбардо и Н. Коломбе связывают эти феномены с рядом негативных психологических и социальных последствий.

Итак, немаловажным представляется рассмотрение гендерных аспектов в структуре профессиональной идентичности военнослужащих и в целом сотрудников силовых ведомств. Необходимо отметить недостаточное количество работ отечественных ученых на тему гендерной специфики профессиональной идентичности военнослужащих-женщин и женщин, проходящих службу в силовых структурах¹⁷.

¹² Кон И.С. Указ. соч. С. 219.

¹³ Данилов С.И. Военно-профессиональная идентичность и ее роль в психологической защите личности военнослужащего // Инициативы XXI века. 2017. № 1-2. С. 87–91.

¹⁴ Кон И.С. Указ. соч. С. 209–229.

¹⁵ Зайцева Т.И. Мужская гендерная идентичность: теоретические аспекты исследования // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 352. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzhskaya-gendernaya-identichnost-teoreticheskie-aspekty-issledovaniya> (дата обращения: 18.06.2019).

¹⁶ Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: игры, порно и потеря идентичности. М.: Альпина Паблишер, 2017. 342 с.

¹⁷ Диденко А.А., Диденко И.В. Профессиональная идентичность военнослужащих внутренних войск МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4 (55). С. 3–7; Худайназарова Д.Р., Громова А.А. Профессиональная идентичность женщин-военнослужащих: содержание по-

Гендерная специфика профессиональной идентичности военнослужащих-мужчин и мужчин, занимающихся традиционно мужскими профессиями, изучена лучше. Так, исследование А.С. Некрасова¹⁸ показывает, что гендерная и профессиональная идентичность курсантов, будущих военных летчиков, взаимодействуют по типу отношений взаимодействия. В восприятии курсантов профессионализм летчика связан с выраженными маскулинными качествами.

По мнению Ожеговой Л.Н., Юдиной Н.Ю.¹⁹, для мужчин характерно слияние представлений о себе как о мужчине и профессионале, что проявляется в «прегруженности», «плотности» личностного ядра. Одна из проблем развития личности мужчины — мистификация мужественности. Исследования данных авторов показывают, что в профессии летчика мужчина сталкивается с двойной мистификацией мужественности, так как сама профессия летчика тоже мистифицирована. При этом мужчины-летчики воспроизводят в своем самосознании консервативный образец мужественности («супермужчина», «мужчина в квадрате»). Данные особенности формирования личности могут привести к специфическим психологическим проблемам.

Не менее интересно изучение механизма сочетания гендерных аспектов идентичности военнослужащих-мужчин, чья профессиональная роль связана со сферами деятельности «помогающего» типа (военный врач, военный психолог, ряд других), в которых профессионально важными является ряд качеств, традиционно считающихся фемининными. «Двойственный» характер военно-профессиональной идентичности такого рода специалистов изучается в ряде работ зарубежных авторов²⁰. Данная проблема разрабатывается и отечественными психологами²¹.

нятия // Теория и практика общественного развития. 2015. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-identichnost-zhenschin-voennosluzhaschih-soderzhanie-roponyatiya> (дата обращения: 23.06.2019).

¹⁸ Некрасов А.С. Развитие профессиональной идентичности личности курсанта военного училища: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2005. 23 с.

¹⁹ Ожегова Л.Н., Юдина Н.Ю. Гендерная идентичность личности: мистификация мужественности и проблема профессионального становления летчика // Личность курсанта: психологические особенности бытия / отв. ред. С.Д. Некрасов. Краснодар, 2013. 355 с.

²⁰ Leavitt K., Reynolds S., Barnes C. et al. Different hats, different obligations: Plural occupational identities and situated moral judgments // Academy of Management Journal. 2012. Vol. 55. P. 1316–1333. URL: <http://www.jstor.org/stable/23414257> (дата обращения: 02.10.2017); Robertson C.B. Organizational Management of Conflicting Professional Identities // Case Western Reserve Journal of International Law. 2011. Vol. 43. Iss. 3. URL: <http://scholarlycommons.law.case.edu/jil/vol43/iss3/5> (дата обращения: 01.11.2017); Stuart G. Указ. соч. P. 421–429.

²¹ Гожиков В.Я., Казакова Л.П., Караяни А.Г. и др. Психолого-педагогические условия формирования военно-профессиональной идентичности будущих офицеров в

Для определения особенностей военно-профессиональной идентичности курсантов-мужчин, обучающихся в военном вузе по специальности «Психология служебной деятельности», было проведено эмпирическое исследование. В нем участвовали испытуемые третьего курса (параллели 2013, 2014 г. набора) и второго курса (2015 г. набора) — соответственно 62, 67 и 57 человек (всего 186 человек). Возраст испытуемых — 19–26 лет. Стаж в Вооруженных силах от 1,5 до 7 лет, все испытуемые мужского пола. Испытуемые обучаются в однородной по гендерному составу группе. Результаты подвыборки не объединялись, поскольку по ряду статистических показателей между данными подвыборками были получены значимые различия. Вероятно, особенности идентичности курсантов могут быть связаны с конкретной группой членства (воинским подразделением, к которому они принадлежат).

Анализ социального пространства развития курсантов вуза, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности», позволяет выделить несколько социальных групп и ролей, с которыми могут соотносить себя курсанты. Это группы военнослужащих, курсантов и студентов различных вузов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности», мужчин, психологов, военных психологов, военнослужащих в должности заместителя командира по работе с личным составом (исследование проводилось до введения в Вооруженных Силах должностей заместителей командира по политической работе); это и учебные группы, в которых учатся/учились курсанты, воинские подразделения, в которых они проходят/проходили службу и т.д. Эти группы могут «формально», с позиции стороннего наблюдателя, пересекаться, включаться или исключать друг друга. Но психологически, субъективно, для каждого курсанта эти отношения могут иметь специфику, расходящуюся с объективной оценкой. Эти группы имеют для курсантов неодинаковую значимость, различную временную отнесенность, отличаются по интенсивности и периодичности реальных контактов. Наблюдения показывают, что в профессиональном отношении

для курсантов наиболее значима группа военно-служащих.

В эмпирическом исследовании были использованы: 1) методика «Кто я?» в модификации А.Ш. Тхостова, Е.И. Рассказовой, В.А. Емелина и 2) метод семантического дифференциала (далее — СД) в модификации А.Г. Шмелева, В.И. Похилько, А.Ю. Козловской-Тельновой с добавлением ряда шкал, адекватных цели исследования. Испытуемые по шкалам СД должны были оценить конструкты «Я» и «Идеал Я», «Идеальный офицер», «Идеальный психолог», «Идеальный заместитель командира по работе с личным составом» (далее — ЗКРЛС), «Идеальный военный психолог», а также конструкт «Настоящий мужчина». Выбор конструктов определялся представлениями о значимости в структуре идентичности как ее идеальных, так и субъективно реально проявляющихся аспектов. Обработка данных производилась с помощью статистической программы IBM SPSS Statistics 22.

Анализ выявленных различий оценок СД по качествам конструктов позволяет утверждать, что «идеальные» конструкты в восприятии курсантов можно условно расположить на шкале «фемининности» — «маскулинности». Выявлено, что «Идеальный офицер» ближе к полюсу «маскулинности», чем «Настоящий мужчина». Так, конструкт «Настоящий мужчина» имеет более высокие оценки по таким показателям, как «добрый», «мечтательный», «красивый». Конструкт «Идеальный офицер» выше оценивается по качествам «твердый», «грубый», «строгий», чем «Настоящий мужчина», хотя бы в одной из подвыборок²². Конструкт «Идеальный психолог», по сравнению с другими конструктами, наиболее близок к полюсу «фемининность». Конструкты «Идеальный военный психолог» и «Идеальный ЗКРЛС» занимают промежуточное положение.

Кластерный анализ средних показателей оценок качеств конструктов во всех подвыборках позволил выявить тесную связь между всеми «идеальными» профессиональными конструктами, кроме конструкта «Идеальный психолог» (см. рис. 1–3). Интересно, что конструкт «Идеальный военный психолог» ближе к «военным» профессиональным конструктам, а не к конструкту «Идеальный психолог». Конструкт «Идеал Я» тесно связан с конструктом «Настоящий мужчина», что особенно выражено в подвыборках 3 курса (2014 г. набора) и 2 курса (2015 г. набора).

военном вузе : монография. М. : ВУ, 2018; Казакова Л.П., Маклакова Т.Ю. Психологические проблемы становления военно-профессиональной идентичности курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности» // Военно-профессиональная идентичность: актуальные направления исследования : материалы межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур «Психологические условия формирования идентичности военнослужащих» (Москва, 25 октября 2017 г.) / под ред. С.И. Данилова, Л.П. Казаковой. М. : Военный университет; Школа современных психотехнологий, 2018. С. 31–68.

²² Казакова Л.П., Маклакова Т.Ю. Указ. соч. С. 31–68.

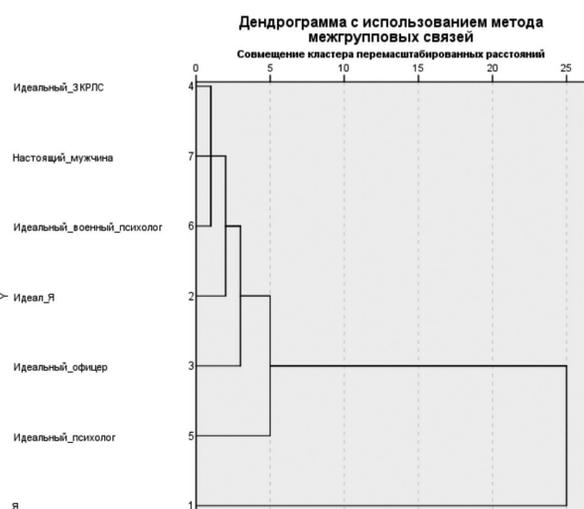

Рис. 1. Результаты кластерного анализа, 3 курс, 2013 г. набора

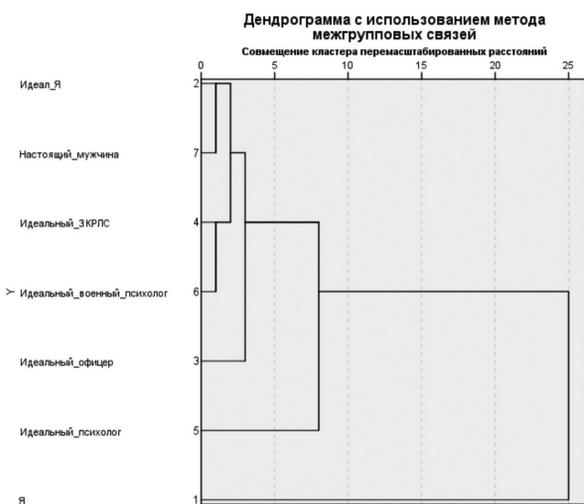

Рис. 2. Результаты кластерного анализа, 3 курс, 2014 г. набора

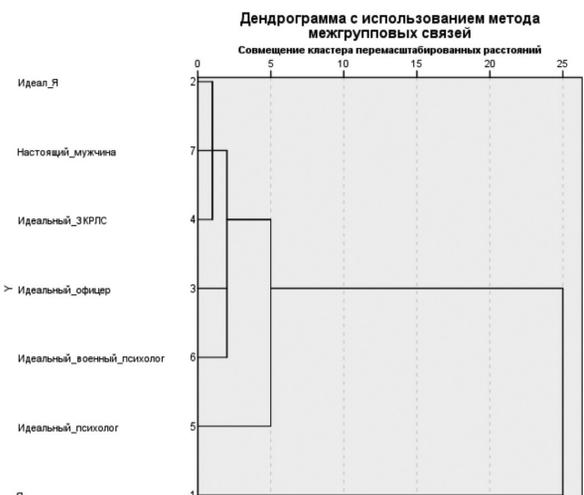

Рис. 3. Результаты кластерного анализа, 2 курс, 2015 г. набора

Необходимо отметить также близость представлений о «Настоящем мужчине», «Идеале Я» и идеальными профессиональными конструктами «среднего» уровня обобщенности («Идеальный ЗКРПС», «Идеальный военный психолог»). В целом можно считать, что результаты данного исследования не противоречат представлениям других авторов о тесной связи профессиональной и гендерной идентичности мужчин-военнослужащих. Это проявилось несмотря на то, что при обучении курсантов по специальности «Психология служебной деятельности» декларируется помогающий характер профессии, в которой профессионально важными качествами специалиста считаются эмпатия, открытость, доброжелательность, которые традиционно относят к фемининным. Отмеченные профессионально важные качества специалиста в области психологии служебной деятельности объективно вступают в противоречие с маскулинными ценностями военной профессии и гендерно-однородного мужского сообщества, а также с профессионально важными качествами офицера. Но можно утверждать, что в большинстве случаев сочетание различных по своему характеру идентичностей у курсантов не приводит к ролевому конфликту, а происходит преимущественно за счет механизма *преобладания*, когда среди нескольких идентичностей одна является «ведущей». Можно предположить, что именно значимость для курсантов маскулинных качеств приводит к преобладанию не «психологической» составляющей профессиональной идентичности, а ее «военного» аспекта.

Преобладание «военной» составляющей профессиональной идентичности над «психологической» подтверждается данными методики «Кто я?», проведенной в той же выборке. Так, доля ответов «психолог» в выборках 3 курса — 0,009 (подвыборка 2013 г. набора) и 0,016 (подвыборка курсантов 2014 г. набора); доля ответа «военнослужащий» соответственно 0,044 и 0,04. Рейтинги же ответа «психолог» соответственно — 18 и 11; «военнослужащий» — 7 и 4. Кроме того, давались ответы «военный», «воин», «будущий офицер», «командир», т.е. ответы, проявляющие военную составляющую профессиональной идентичности курсантов, более разнообразны.

Ответы, связанные с гендерной идентичностью курсантов, частотны и также более значимы, чем идентификации с психологом. Соответственно в подвыборках 3 курса доля ответа «мужчина» — 0,056 при рейтинге 4; и 0,029 (2013 г. набора), при рейтинге 7 (2014 г. набора)²³. Таким образом, обучение в военном вузе используется курсантами для избегания альтернативных и «новых» форм маскулинности.

²³ Там же.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что представления об аспектах будущей профессии курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности», не связаны по типу «матрешки». Идеальные представления о более широкой социальной профессиональной группе («офицеров») субъективно не обязательно включают в себя представления о более узкой социальной группе («ЗКРЛС»); то же верно для идеальных представлений о «психологах» и «военных психологах». Необходимо отметить, что «матрешка» идентичностей военнослужащих, если судить с объективной точки зрения, может быть «собрана» неправильно, что видно как по обобщенным результатам, так и по результатам кластеризации оценок конструкторов отдельных испытуемых. При проявлении общих тенденций, в индивидуальных кластерных структурах обнаруживается специфика (см. рис. 4–6).

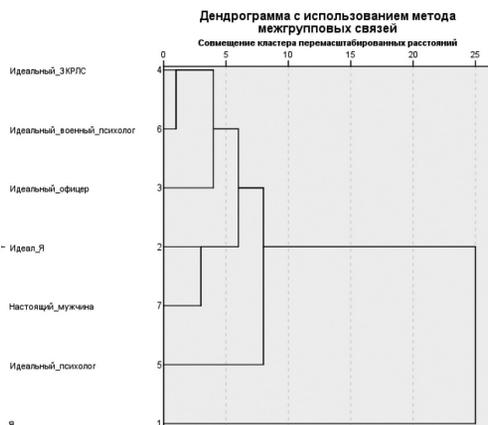

Рис. 4. Результаты кластерного анализа оценок испытуемого А., 3 курс (в тесте «Кто я?» проявились «психологический», «военный» и «гендерный» аспекты идентичности)

Рис. 5. Результаты кластерного анализа оценок испытуемого В., 3 курс (в тесте «Кто я?» проявились «военный» и «гендерный» аспекты идентичности)

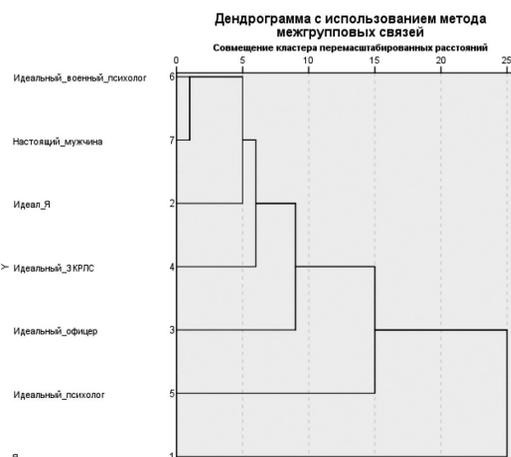

Рис. 6. Результаты кластерного анализа оценок испытуемого С., 3 курс (в тесте «Кто я?» проявились «военный» и «гендерный» аспекты идентичности)

Учет закономерностей и механизмов формирования профессиональной идентичности курсантов необходим для совершенствования учебно-воспитательного процесса в вузе и психологического сопровождения обучаемых. Можно заключить, что дальнейшее изучение гендерных аспектов военно-профессиональной идентичности (или, в других терминах, сочетания военно-профессиональной и гендерной идентичностей) будущих офицеров, обучающихся по психологическим специальностям, — перспективное направление психологических исследований.

Литература

1. Гожиков В.Я. Психолого-педагогические условия формирования военно-профессиональной идентичности будущих офицеров в военном вузе : монография / В.Я. Гожиков [и др.]. Москва : Военный университет, 2018. 156 с.
2. Данилов С.И. Военно-профессиональная идентичность и ее роль в психологической защите личности военнослужащего / С.И. Данилов. // Инициативы XXI века. 2017. № 1-2. С. 87–91.
3. Диденко А.А. Профессиональная идентичность военнослужащих внутренних войск МВД России / А.А. Диденко, И.В. Диденко // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4 (55). С. 3–7.
4. Зайцева Т.И. Мужская гендерная идентичность: теоретические аспекты исследования / Т.И. Зайцева // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 78–81.
5. Зимбардо Ф. Мужчина в отрыве: игры, порно и потеря идентичности / Ф. Зимбардо, Н. Коломбе. Москва : Альпина Паблишер, 2017. 342 с.
6. Казакова Л.П. Психологические проблемы становления военно-профессиональной идентичности курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности» / Л.П. Казакова, Т.Ю. Маклакова // Военно-профессиональная идентичность: актуальные

- направления исследования: материалы межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур «Психологические условия формирования идентичности военнослужащих» (г. Москва, 25 октября 2017 г.): сборник научных статей / под редакцией С.И. Данилова, Л.П. Казаковой. Москва: Военный университет; Школа современных психотехнологий, 2018. С. 31–68.
7. Кон И.С. Маскулинность как история / И.С. Кон // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / под ред. М.М. Малышевой. Москва: Academia, 2002. С. 209–229.
 8. Леонтьев Д.А. Идентичность личности в полисоциальном мире / Д.А. Леонтьев // Философские науки. 2012. № 11. С. 89–105.
 9. Некрасов А.С. Развитие профессиональной идентичности личности курсанта военного училища: автореферат диссертации кандидата психологических наук / А.С. Некрасов. Краснодар, 2005. 23 с.
 10. Ожигова Л.Н. Гендерная идентичность личности: мистификация мужественности и проблема профессионального становления летчика / Л.Н. Ожигова, Н.Ю. Юдина // Личность курсанта: психологические особенности бытия: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (с иностранным участием) (г. Краснодар, 28–29 ноября 2013 г.): сборник научных статей / ответственный редактор С.Д. Некрасов. Краснодар: ВУНЦ ВВС «ВВА»; Изд-во Кубанского гос. ун-та, 2013. 355 с.
 11. Разорина Д.Н. Проблема структуры и динамики идентичности в современной зарубежной социальной психологии / Д.Н. Разорина // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-3 (63). С. 211–218.
 12. Ремонтова А.А. Особенности профессионального становления студентов с различными типами гендерной идентичности / А.А. Ремонтова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 7 (82). С. 67–70.
 13. Рикель А.М. Профессиональная Я-концепция и профессиональная идентичность в структуре самосознания личности. Часть 1 / А.М. Рикель // Психологические исследования: электронный научный. 2011. № 2 (16). С. 6.
 14. Солдатова Е.Л. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы / Е.Л. Солдатова, Д.Н. Погорелов // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 5. С. 105–124.
 15. Тлостанова М.В. Человек в современном мире: проблема множественной идентичности / М.В. Тлостанова // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 191–217.
 16. Худайназарова Д.Р. Профессиональная идентичность женщин-военнослужащих: содержание понятия / Д.Р. Худайназарова, А.А. Громова // Теория и практика общественного развития. 2015. № 5. С. 149–151.
 17. Хухлаев О.Е. Сложность социальной идентичности: концепция С. Роккас и М. Брюера / О.Е. Хухлаев, М.А. Хайт // Социальная психология и общество. 2012. № 3. С. 16–26.
 18. Эшфорт Б. Теория социальной идентичности в контексте организации / Б. Эшфорт, Ф. Маил // Организационная психология. 2012. Т. 2. № 1. С. 4–27.

References

1. Leavitt K. Different hats, different obligations: Plural occupational identities and situated moral judgments / K. Leavitt [et al.] // Academy of Management Journal. 2012. Vol. 55. P. 1316–1333.
2. Robertson C.B. Organizational Management of Conflicting Professional Identities / C.B. Robertson // Case Western Reserve Journal of International Law. 2011. Vol. 43. Iss. 3. P. 603–623.
3. Roccas S. Social identity complexity / S. Roccas, M.B. Brewer // Personality and Social Psychology Review. 2002. Vol. 6. P. 88–106.
4. Stuart G. The military physician and contested medical humanitarianism: a dueling identity? / G. Stuart // Social Science and Medicine. 2014. Vol. 120. P. 421–429.

Уважаемые читатели!

Для того чтобы облегчить поиск интересующих вас материалов в выпущенных Издательской группой «Юрист» журналах, подготовлен библиографический указатель всех публикаций за период с 2013 по 2018 г. Настоящее издание является продолжением библиографического указателя статей, вышедших в свет в журналах Издательской группы «Юрист» за период с 1993 по 2013 г. Статьи приведены по изданиям, в которых они опубликованы, и размещены в алфавитном порядке по фамилиям авторов, что значительно упрощает процедуру поиска необходимой информации.

С содержанием сборника и перечнем публикаций можно ознакомиться на сайте Издательской группы «Юрист» в разделе «Книги» и в электронной библиотеке научных публикаций РИНЦ.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДЗЕМНОЙ ВОЙНЫ

Караяни Александр Григорьевич,
главный научный сотрудник

Всероссийского научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
доктор психологических наук, профессор
karayani@mail.ru

В статье обосновывается возрастание роли подземных действий в современных военных конфликтах. Анализируется характер влияния особенностей экологических условий, физических свойств подземных полостей и боевой задачи на психофизиологическое функционирование военнослужащих. Обосновываются ключевые задачи психологической подготовки военнослужащих к боевым действиям в подземельях.

Ключевые слова: подземная война, боевые действия, восприятие, ночное зрение, десинхроноз, клаустрофобия, психологическая подготовка.

PSYCHOPHYSIOLOGICAL PECULIARITIES OF A SUBSURFACE WAR

Karayani Aleksandr G.

Chief Research Scientist of the National Research Institute
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Doctor of Psychology, Professor

In article increase of a role of underground actions in the modern military conflicts is proved. The nature of influence of features of ecological conditions, physical properties of underground cavities and a fighting task on psychophysiological functioning of the military personnel is analyzed. Key problems of psychological training of the military personnel for fighting in subterranean are proved.

Keywords: underground war, fighting, perception, night sight, desynchronies, claustrophobia, psychological preparation.

Многочисленные факты из военной истории свидетельствуют о том, что, столкнувшись с превосходящим противником или неприступной крепостью, войска нередко обращались к использованию подземной тактики боевых действий¹. Возрас-

тание поражающей мощи и точности современных боевых средств, находящихся в распоряжении передовых армий мира, с одной стороны, и рост массовости иррегулярных вооруженных формирований, с другой стороны, многократно увеличивает возможность подземных боестолкновений. Грамотное использование специально оборудованных боевых тоннелей (мин), пещер, шахт, городских подземных коммуникаций позволяет компенсировать технологическое и численное преимущество и более выгодное тактическое положение противника.

По оценке американских специалистов «растущее использование туннелей и подземных сооружений нерегулярными военными формированиями для достижения тактических преимуществ

¹ В литературе описаны многочисленные примеры взятия хорошо защищенных крепостей с помощью проделывания подкопов в античные времена и Средние века. «Подкопную» тактику использовали Дарий I, Александр Македонский, Сулла, Помпей, Чингисхан, Иван Грозный и другие полководцы. Настоящая подземная война развернулась при обороне Севастополя (1854–1855 гг.). В годы Первой мировой войны боевые тоннели (мины) стали применяться для создания мощных узлов обороны и для проникновения в тыл противника. Так, созданные в английской армии 33 минные (тоннельные) роты насчитывали порядка 25 тыс. человек. На восточном фронте за время войны было проведено более 40 подземных атак, скоординированных с действиями наземных сил, артиллерии и авиации. В годы Второй мировой городские подземные коммуникации, катакомбы, специально оборудованные подземные сооружения использовались в широких масштабах. В историю вписаны страницы, описывающие боевые действия на Линии Мажино, на Окинаве, на нормандском побережье, при обороне Севастополя, в Аджимушкайских каменоломнях, одесских катакомбах, в битве за Сталинград, при взятии Берлина и штурме Кенигсберга.

В послевоенное время специально отрываемые боевые тоннели, подземные системы водоснабжения и канализации, пещеры применялись в войнах в Корею (1950–1953 гг.),

во Вьетнаме (1963–1973 гг.), в Афганистане (1979–1989 гг.), Чечне (1995–1999 гг.), в многочисленных арабо-израильских войнах и инцидентах. О размахе подземной войны свидетельствуют следующие факты. Во время войны в Корею при длине фронта в 250 км длина подземных ходов достигала 500 км. Таким образом на каждый километр фронта приходилось 2 км подземных тоннелей. В общей сложности было извлечено 2 млн куб. м породы (Подземная война. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Подземная_война).

становится более изощренным и все более эффективным». В будущем для американской армии значительно повышается вероятность встречи военных подземных сооружений на будущих полях сражений².

Не случайно в ходе боевых действий в Сирии боевиками были прорыты десятки километров тоннелей для их скрытого перемещения и большое количество подземных сооружений для укрытия, управления, хранения оружия, боеприпасов и техники. В отдельных случаях такие тоннели достигают 4 м в ширину, 5 м в высоту и несколько километров в длину³. В некоторых сирийских городах, таких как Хомс, разветвленная сеть подземных сооружений позволяла боевикам длительное время оказывать сопротивление правительственным войскам. Иногда подземные коммуникации позволяли боевикам достаточно свободно перемещаться не только в любой район населенного пункта или между городами, но и в пункты, расположенные на территории пограничных государств.

Специалисты полагают, что в войнах будущего, боевые тоннели и сооружения будут еще более широко использоваться против технологически превосходящего противника в целях укрытия элементов военной организации (воинских формирований) для эффективного выполнения ими боевых и других задач; осуществления маневра силами и средствами, в том числе для выхода в тыл противнику, выхода из боя и ухода от преследования; достижения устойчивости и надежности управления войсками; уничтожения объектов противника посредством их подрыва и создание благоприятных условий для действий в наземной и воздушно-наземной проекциях; разгрома противника в бою под землей с использованием различных средств вооруженной борьбы, включая химическое и бактериологическое оружие⁴.

В связи с этим возникает необходимость в специальной «подземной» психологической подготовке наших военнослужащих, основанной на знании психофизиологических особенностей боевой деятельности в подземных условиях.

Психофизиологические особенности боевой деятельности под землей определяются специфической экологической условий (температура и состав воздуха, освещенность, влажность), физических свойств подземных полостей (размеры, протяженность, форма, материал), боевой задачи (укрытие от огня и нападения противника, перемещение,

транспортировка грузов, поиск и уничтожение противника).

Анализ литературы, связанной с изучением психофизиологических особенностей подземной деятельности военнослужащих, показывает, что эта проблема не является объектом пристального внимания не только военных, но и гражданских психологов. Специальных работ, посвященных этому вопросу, в отечественной военной психологии нет. Вместе с тем имеется ряд публикаций, в которых исследуются психологические и психофизиологические особенности деятельности спелеологов. Представленные в них результаты могут составить теоретическую основу нашего исследования.

Анализ этих публикаций позволил выделить три группы факторов, объясняющих особенности функционирования физиологической и психологической систем человека при осуществлении деятельности под землей. К таким факторам относятся: 1) экологические условия; 2) особенности физической среды; 3) типовые приемы тактических действий противоборствующих сторон. Рассмотрим эти факторы.

Экологические условия подземных действий

Экология пещер, подземных ходов, шахт, городских коммуникаций и т.п. в значительной степени неоднородна. Вместе с тем большинство исследователей выделяют в качестве наиболее важных экологических условий подземной деятельности практически абсолютную темноту, специфическую акустику (тишину), низкую температуру среды, высокую влажность и опасный для жизни состав воздуха⁵.

Перечисленные экологические условия являются для человека сильными стрессорами, влияющими на процесс принятия решений и эффективность деятельности.

Темнота. При ведении боевых действий в боевых тоннелях, пещерах, катакомбах, кюризах и т.д. у военнослужащих нередко имеются лишь источники света, принесенные с поверхности. Учитывая, что человек, который в обычных условиях получает большую часть информации с помощью органов зрения, при попадании в абсолютную темноту становится в значительной степени беспомощным.

С детства у человека формируется представление о темноте, тьме как источнике зла, и это не может не оказывать на него отрицательного воздействия⁶.

² Alexeev A. Туннельные войны. URL: <https://topwar.ru/107134-tunnelnye-voyny.htm>

³ Подземная война.

⁴ Виниченко М.В. Системно-структурное представление об использовании подземного пространства войсками (рус.) // Военная мысль. 2007. № 7. С. 54–59.

⁵ Сахарова Н.Б. Связь спелеологии и психологии // Спелеология Самарской области (Выпуск 3) : сборник статей Самарской спелеологической комиссии. Самара, 2004. С. 115–128; Специфические условия пребывания человека под землей. URL: <https://zdamsam.ru/a28335.html>

⁶ Там же. С. 115–128.

В обычной жизни человек крайне редко сталкивается с абсолютной темнотой без произвольного закрытия глаз. Поз землей он смотрит в темноту широко открытыми глазами, не испытывая давления век на глазные яблоки. Это является непривычным и новым⁷.

Качество зрения в темноте претерпевает существенные изменения. Так, существенно понижается острота зрения (до 0,03–0,7), нарушается цветовое зрение, при ночной освещенности цвет смещается в сторону серого, сужается поле зрения, ухудшается глазомер, страдает оценка расстояния до объектов и их взаимного расположения⁸.

При ограниченной видимости часто бывает ошибочной оценка расстояний, затруднена ориентировка, определение маршрута для перемещения и т.п.⁹

Неблагоприятному изменению зрения способствует ряд внешних и внутренних обстоятельств. К внешним обстоятельствам можно отнести плохую освещенность подземного рельефа и объектов, резкие переходы от яркого света к темноте, попадание лучей света в глаза. К внутренним обстоятельствам относятся переохлаждение, расстройство функций вестибулярного аппарата, переутомление, физическое перенапряжение, недосыпание, нервно-психические переживания, болезненное состояние или слабость после перенесенного заболевания, прием алкоголя, курение, переполнение желудка, мочевого пузыря, недостаток в пище витаминов А, С и группы В¹⁰.

Тишина. Отсутствие привычного человеку в его повседневной жизни на поверхности акустического фона действует на него на физиологическом уровне. Если в пещерах военнослужащий может слышать звук от падающих камней, обвалов грунта, капания и журчания воды, гула водопада, движения воздуха, хлопанья крыльев летучих мышей¹¹, то в боевых тоннелях, как правило, господствует почти абсолютная тишина.

Абсолютная тишина является серьезным испытанием для человеческой психики. Не случайно космонавты, готовящиеся к длительным полетам в космос, проходят обязательные испытания в сурдокамере — специальном звукоизолированном помещении со слабым искусственным освещением, предназначенном для проведения физиологических, психологических и других исследований. После нахождения в сурдокамере без сна в течение

64 часов многие начинали испытывать зрительные, слуховые и кинестетические галлюцинации.

Специалисты отмечают, что похожие галлюцинации возникают в подземных условиях, где царит тишина и возникает слуховая и сенсорная депривация. Одновременно усиливается чувствительность человека ко всем внутренним шумам организма: дыханию, току крови в сосудах, сокращению мышц и т.д.¹²

Практически абсолютная тишина подземных условий существенно усиливает у военнослужащего ощущение его изолированности от внешнего мира и чувство одиночества.

Низкая температура окружающей среды. В подземных природных полостях и рукотворных сооружениях температура окружающей среды может быть существенно ниже, чем на поверхности. В сочетании с высокой (иногда до 100%) влажностью и достаточно высокой скоростью движения воздуха (до 5–10 м/сек.)¹³ низкая температура становится опасной для человека.

Гипотермия (переохлаждение) ослабляет защитные силы организма, притупляет внимание, снижает уровень осознания человеком действительности, что способно привести к чрезвычайной ситуации и является угрозой для здоровья и жизни.¹⁴

Известны случаи, когда смерть человека наступала при температуре около 10°С.

Состав воздуха. В плохо вентилируемых местах подземных полостей может скапливаться опасная концентрация углекислоты и метана. Когда концентрация углекислого газа достигает 4%, у человека учащаются дыхание и пульс, возникает психическое возбуждение, появляется шум в ушах. Концентрация в 7–12% может вызвать смерть. Увеличение содержания метана до 8–10% (при сохранении нормального количества кислорода) не вызывает болезненных ощущений, однако смесь воздуха с метаном (выше 3,1%) становится взрывоопасной. Поэтому допустимым пределом для пребывания человека в полости считается 2%-ная концентрация метана¹⁵.

Особенности физических свойств среды

Совокупность разнообразных естественных и искусственных препятствий определяет сложность подземной полости.

К наиболее характерным естественным препятствиям подземелий относятся критические су-

⁷ VseslavRus. Спелеология и психология. URL: <http://nlp-practice.ru/2016/08/12/speleology-and-psychology/>

⁸ Сахарова Н.Б. Указ. соч. С. 115–128.

⁹ VseslavRus. Спелеология и психология.

¹⁰ Сахарова Н.Б. Указ. соч. С. 115–128.

¹¹ Дублянский В.Н. Занимательная спелеология. Челябинск: Урал LTD, 2000.

¹² Сахарова Н.Б. Указ. соч. С. 115–128.

¹³ Дублянский В.Н. Указ. соч.

¹⁴ Циелава Я.В. Спелеология. Особенности пребывания под землей: реальность и мистика. URL: http://www.speleo-ufa.ru/bibl/literature/metod_ychebn_materials/osoben_preb_pod_zemlei.htm

¹⁵ Специфические условия пребывания человека под землей.

жения ходов («шкуродерни»), колодцы, шахты, уступы, карнизы, глыбовые навалы, затопления, подземные реки, озера, водопады, полужакрытые и закрытые сифоны — ходы, в которых между поверхностью воды и сводом имеется или отсутствует воздушная прослойка¹⁶.

Некоторые из перечисленных препятствий приходится преодолевать ползком или на коленях, буквально продираясь сквозь узкие лазы. Другие можно пройти только с серьезной страховкой. Третьи можно преодолеть лишь надев гидрокостюм.

В литературе отмечают, что недостаточное технологическое оснащение и неграмотное тактическое преодоление таких препятствий может сопровождаться не только дискомфортом, но и травматизацией¹⁷.

Преодоление препятствий подземелий требует ношения военнослужащим большой боевой и вспомогательной нагрузки в виде огнестрельного и холодного оружия, фонарей, гидрокостюма (при необходимости), страховочных веревок, элементарного шанцевого инструмента и др. Ношение такой нагрузки в тесных проходах требует больших физических усилий, энергетических затрат, сопровождается психическим напряжением.

Особенности тактических действий в подземных условиях

Анализируя тактические особенности боевых действий под землей, специалисты отмечают, что они отличаются небольшим масштабом в связи с существенными *пространственными ограничениями и невозможностью использовать весь арсенал средств вооруженной борьбы*, а также *внезапностью* возникновения подземного боя¹⁸.

Другими словами, нередко подземные боевые действия ведутся мелкими группами специально подготовленных военнослужащих или даже отдельными военнослужащими.

Сложность в боевые действия вносят хитроумные ловушки, минно-взрывные заграждения, засады, искусственно создаваемые препятствия, ложные ходы, тупики и траверсы (п-образные ходы для гашения ударной волны).

Боевые контакты, как правило, протекают на коротких дистанциях (до 5–6 метров) в извилистых, плохо освещенных и нередко — полужатопленных подземных объектах¹⁹.

Звуки близких взрывов в туннелях оглушительны, даже если взрывная волна будет в значительной степени погашена. Поэтому при нахож-

дении в туннеле во время бомбежек и обстрелов военнослужащие вынуждены затыкать уши²⁰, что снижает их способность ориентироваться в ходе схватки.

А. Логунов и В. Гришин, анализируя методы оказания помощи при декомпрессионных поражениях, отмечают, что особую опасность для «подземных» бойцов представляют минно-взрывные баротравмы, так как взрывы в компактном замкнутом пространстве значительно усиливаются за счет многократных пере-отражений воздушной ударной волны от стен подземелий. Особенностью таких ранений они считают высокую вероятность возникновения широкого спектра осложнений: артериальной газовой эмболии, снижения или даже утраты умственной работоспособности, инфарктов, инсультов и т.д.²¹ Знания о последствиях таких ранений является для военнослужащих сильным стрессовым фактором.

Таким образом, особенности тактики боевых действий под землей порождают такие остро проявляющиеся стресс-факторы, как неизвестность, новизна, высокая опасность, проявляющаяся в разнообразных формах.

Психофизиологические особенности подземных боевых действий

В литературе отмечается, что, кроме естественных физических влияний холода и сырости, непроглядной тьмы, беззвучия и толщи камня над головой и их совокупностей, есть еще и психологический фактор, который является главным под землей. Особенности подземных полостей, влияющие на психологическое состояние человека, можно определить следующим образом. Абсолютная тишина, абсолютная темнота и абсолютная изоляция представляются в подземельях столь ощутимо, что абстрагироваться от них невозможно²².

Первым фактом влияния подземелий на психофизиологические аспекты боевой деятельности военнослужащих является *кардинальное изменение ощущений, восприятия и их ориентировки в пространстве и времени*.

Слабой аналогией боя в условиях темноты подземных полостей может быть ночной бой. Среди негативных психологических явлений ночного боя: нарушение ориентировки в пространстве; действие эффекта новизны, неопределенности; снижение воинского мастерства воинов; затрудненность слаженных совместных действий; ухудшение управления подразделениями; возрастание

¹⁶ Специфические условия пребывания человека под землей.

¹⁷ VseslavRus. Спелеология и психология.

¹⁸ Виниченко М.В. Указ. соч. С. 54–59.

¹⁹ Астахов В. Ближний бой в тоннеле (рус.) // Оружие. 2005. № 10. С. 8–10.

²⁰ Маркин А.В. Подземная война. Тактика наземно-подземной обороны // Солдат удачи. 2009. № 3, 4.

²¹ Подземная война.

²² Циелава Я.В. Указ. соч.

тревоги и чувства изолированности от своих войск; усиление подверженности панике и др.²³

Для эффективных действий в условиях подземелья глаза военнослужащего должны быть адаптированы к темноте. Известно, что глаз человека отличается высоким развитием нервных элементов, совершенной оптической системой, позволяющей фиксировать огромный диапазон видимых световых раздражителей, интенсивность которых может различаться в миллионы раз. Сетчатка глаза имеет сложное строение. Она состоит из нескольких слоев нервных клеток, заканчивающихся концевым аппаратом: колбочками и палочками, которые и представляют собой рецепторы света. Колбочки и палочки различным образом реагируют на разную интенсивность света. Первые обладают более низкой чувствительностью и представляют собой аппарат дневного света, позволяющий различать цвета (их в сетчатке — 7 млн). Вторые отличаются высокой чувствительностью к слабым интенсивностям света и являются аппаратами ночного зрения (их насчитывается в сетчатке около 130 млн)²⁴.

Работа ночного зрения подчинена ряду закономерностей, познание которых поможет военнослужащим оптимизировать ее.

Во-первых, отмечается определенная динамика темновой адаптации глаз. Через 5 мин. чувствительность глаза увеличивается на 30% от исходного уровня, через 15–20 мин. — на 80%, через 60–80 мин. она достигает максимума и стабилизируется. Время темновой адаптации зависит от «перепада» между старой и новой, устанавливающейся чувствительностью. Одно дело, когда человек погружается в темноту из полумрака, другое — из ярко освещенного пространства.

Во-вторых, засветка адаптировавшихся к темноте глаз требует значительного времени для их повторной адаптации. Так, засвеченный в течение 5 сек. снижает свою световую чувствительность на 8–10 мин. Сразу после преодоления освещенного участка тоннеля или пещеры у военнослужащего отмечается темновая дезадаптация.

В-третьих, колбочки и палочки сетчатки заметно отличаются по степени чувствительности к свету с различной длиной волн. Так, глаза, адаптированные к темноте, наиболее чувствительны к длинам волн порядка 511 миллимикрон и относительно не чувствительны к длинам волн, превышающим 620 миллимикрон. Глаза «дневного зрения» максимально чувствительны к длинам волн порядка 554 миллимикрон. Это означает, что при

ночном зрении глаза максимально чувствительны к свету зелено-синего цвета и относительно не чувствительны к красному. То есть источники синего света ночью обнаруживаются быстрее, но при этом возможна темновая дезадаптация глаз (т.е. снижение их чувствительности к свету, «засветка»)²⁵.

Следовательно, для освещения путей движения и боевого взаимодействия в темноте целесообразно использовать фонари с красным светофильтром, не нарушающим темновую адаптацию глаз.

Под воздействием подземных условий происходит *искажение субъективного восприятия времени*. Длительность временных промежутков по сравнению с реальным временем в среднем переоценивается в два раза. 120-тисекундный интервал в среднем оценивается в 150 сек. (при сильном утомлении до 300 сек.). Вместе с искажением оценки времени под землей нарушается восприятие пространства. Это связано с отсутствием в подземельях необходимых ориентиров для сравнения размеров и форм воспринимаемых объектов²⁶.

«Выключение» визуального анализатора сопровождается *повышением чувствительности других органов чувств*. При этом некоторые участники подземных походов отмечают появление у них специфических ощущений. Попытка «дотянуться» слухом и обонянием до стен пещеры создает ощущение как бы *расширяющегося «Я» человека*, Я, выходящего за границы тела, заполняющего все больше места в пространстве. Это связано с тем, что зрение вносит важнейший вклад в формирование субъективных «границ себя». Человек видит свои конечности со стороны на фоне остальных объектов окружающей среды. В сочетании с тактильными ощущениями от прикосновений к объектам окружающей среды человек учится тому, что границы кинестетического восприятия соответствуют границам своего физического тела. В дальнейшем блокирование (временное или постоянное) визуальной системы восприятия приводит к описанным ощущениям расширения Я²⁷.

В случае длительного нахождения военнослужащих в подземном пространстве нарушение в восприятии времени может сопровождаться *расогласованием ритма сна и бодрствования* (десинхроноз). Это происходит из-за того, что в обычных условиях циркадные ритмы синхронизированы с геофизическими и социальными «датчиками времени», т.е. экзогенными ритмами.

В боевых тоннелях через каждые 5–10 м искусственно создается линия излома проходов, за-

²³ Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Военная психология: учебник для специалистов психологической работы Вооруженных Сил Российской Федерации. М.: ВУ, 2016. С. 45.

²⁴ Там же. С. 92.

²⁵ Там же. С. 92–93.

²⁶ Сахарова Н.Б. Указ. соч. С. 115–128.

²⁷ VseslavRus. Спелеология и психология.

путывающая противника²⁸ и снижающая эффект применения им взрывчатых веществ и напалма. Естественная или искусственная извилистость подземных полостей обуславливает ограниченность видимого пространства даже с помощью специальных приборов. Это усиливает *ощущение новизны, неизвестности, неопределенности, тревоги, ощущения опасности «за каждым углом»*. В связи с этим же у военнослужащих могут возникать «*клаустрофобические*» ощущения.

Наряду с тревогой у военнослужащих могут возникать страх из-за возможности попасть в засаду или в ловушку, подорваться на самодельном взрывном устройстве, подвергнуться нападению змей, пауков, крыс, потеряться в лабиринтах ходов, быть придавленным грунтом или затопленным водой, быть неслышанным и не получить необходимой помощи в случае ранения или травмы и т.д.²⁹

Под землей резко обостряются «земные» индивидуальные психологические особенности человека. Это различные *фобии*: боязнь темноты, боязнь замкнутого пространства, боязнь одиночества, боязнь высоты, боязнь воды. Люди, склонные к клаустрофобии, в узких или низких лазах могут испытывать страх или неприятные ощущения, вплоть до паники. На других угнетающе действует подземный мрак в сочетании с страхом потеряться в глубинах земли. На третьих «давит» каменный свод. Угнетающе действует чувство одиночества, когда человек вынужден на какой-то период времени остаться один в полной темноте или при слабом освещении³⁰.

Бедность зрительного восприятия под землей ведет к возбуждению, а «ночное» зрение к чрезмерному напряжению глаз и быстрой утомляемости. При переутомлении мозг изобретает для себя информацию, вследствие чего могут появляться зрительные галлюцинации³¹. *Галлюцинации (зрительные, слуховые, кинестетические)* могут не только дезориентировать военнослужащих, но и вызывать у них чувство тревоги.

Участники спелеологических экспедиций и туров отмечают рост *психического напряжения*. Некоторые связывают это с тем, что скорость воздействия внешних раздражителей у них была выше, чем скорость последующего расслабления, «остывания» от этих раздражений. Вот как описывает это один из них: «У меня возникло сравнение с сосудом: у него есть отверстие, через которое наливаемая вода убывает. Если скорость поступления воды выше скорости ее убывания, рано или позд-

но сосуд переполнится. Также и с «раздражающими» эмоциями: если интенсивность их нарастания превышает скорость расслабления/освобождения от них, то по достижению некоторого порога, человек «взрывается» эмоциями³².

В мелких группах в условиях социальной изоляции может возникать напряжение в межличностных отношениях. Пустяковая причина, например, манера разговаривать или смеяться одного способна вызывать нарастающее раздражение другого и привести к раздору и ссоре³³.

Специалисты отмечают, что длительное выполнение различных задач под землей сопровождается ростом усталости, которая, в свою очередь, может вести к притуплению чувства опасности, непонимание и привыкание к ней, что приводит к ошибочным действиям и поступкам. Появляется чрезмерная смелость, граничащая с безответственностью³⁴. Все это может привести к неправильным техническим или тактическим действиям, стать причинами возникновения аварийной ситуации и несчастных случаев.

Перечисленные выше обстоятельства ориентируют командиров и военных психологов на необходимость организации специальной «подземной» психологической и психофизиологической подготовки военнослужащих. Она должна осуществляться по двум направлениям: 1) подготовка военнослужащих, предназначенных для действия в подземных условиях, и 2) подготовка всех военнослужащих к обнаружению признаков подготовки и использования противником подземного пространства для ведения боевых действий.

В состав подземных боевых групп целесообразно отбирать специально подготовленных для ведения подземных боевых действий военнослужащих, возможно, из числа бывших спелеологов, шахтеров, диггеров, специалистов, работающих в подземных городских коммуникациях, и т.д.

Rottman G.L. в своей работе *Recruitment // Tunnel Rat in Vietnam* (Oxford, UK: Osprey Publishing, 2012) отмечает, что опыт предыдущих войн показывает, что целесообразно создавать специальные подразделения специалистов в подземной войне, которые в годы войны во Вьетнаме назывались «тоннельными крысами». В эти подразделения включались исключительно добровольцы, прошедшие жесткий отбор. Преимущество отдавалось воинам с худощавым телосложением и невысоким ростом, хорошим слухом, высокой психической устойчивостью и полной невосприимчивостью к клаустрофобии³⁵.

²⁸ Идет война подземная: как армия Сирии воюет с боевиками в катакомбах. URL: <https://ria.ru/syria/20151022/1306274405.html>

²⁹ Там же.

³⁰ Специфические условия пребывания человека под землей.

³¹ Сахарова Н.Б. Указ. соч. С. 115–128.

³² VseslavRus. Спелеология и психология.

³³ Сахарова Н.Б. Указ. соч. С. 115–128.

³⁴ Специфические условия пребывания человека под землей.

³⁵ Подземная война.

Отобранные военнослужащие должны проходить интенсивные и реалистичные курсы подготовки к подземной войне. Специалисты указывают на то, что традиционные методы подготовки бойцов, основанные на тренировках тонкой моторики нервной системы, которая управляет процессами прицеливания и ведения огня, оказываются бесполезными. Это объясняется высоким эмоциональным возбуждением с такими побочными эффектами, как, например, туннельное зрение, которые не позволяют эффективно решать боевые задачи и реагировать на изменения обстановки в ближнем бою. Поэтому в боевой и психологической подготовке «подземных бойцов» исключительную важность приобретают навыки скоростной стрельбы в условиях сильнейшего психологического стресса и сенсорной (акустической, визуальной и т.п.) перегрузки органов чувств. Не менее важным является формирование у них навыков ведения бесприцельной стрельбы с расфокусированным зрением³⁶.

Воины подземных войн должны владеть приемами быстрой темновой адаптации, повышения световой чувствительности глаз, купирования болевых ощущений, снятия утомления³⁷.

В воинских частях, действующих на «подкопоопасных» направлениях, необходимо иметь современные средства выявления ведения противником подземных работ (сейсмические измерения, георадары, электрорезистивную томографию (ЭРТ) и микросейсмические технологии), а также технические средства разведки подземных полостей (роботы, беспилотные аппараты, оснащенные видео- и фотокамерами, системой передачи видео в реальном времени, системой GPS, картографическим программным обеспечением и т.п.). При этом необходимо учитывать, что сигналы спутниковых навигационных систем, например GPS, ослабевают в подземных условиях³⁸.

Личный состав подразделений должен быть обучен обнаружению внешних признаков создания противником подкопов и боевых тоннелей.

Таким образом, в будущих войнах важным элементом противоборства будет подземное пространство. Психофизиологические особенности боевой деятельности определяются экологическими, физическими и тактическими свойствами

среды подземных пространств. Почти абсолютная темнота, тишина, социальная изоляция, низкая температура окружающей среды, теснота, сложный рельеф, высокая опасность засад противника, ловушек, минирования ходов предъявляют высокие требования к антропометрическим, психофизиологическим и боевым качествам «подземных» воинов. Они должны уметь действовать в обстановке неизвестности, неопределенности, опасности, вести огневое и рукопашное противоборство в обстановке внезапного нападения противника, на близкой дистанции при отсутствии видимости.

Для эффективного выполнения боевых задач в подземельях необходима специальная «подземная» психологическая подготовка как «подземных воинов, так и всего личного состава.

Литература

1. Астахов В. Ближний бой в тоннеле / В. Астахов // Оружие. 2005. № 10. С. 8–10.
2. Виниченко М.В. Системно-структурное представление об использовании подземного пространства войсками / М.В. Виниченко // Военная мысль. 2007. № 7. С. 54–59.
3. Дублянский В.Н. Занимательная спелеология / В.Н. Дублянский. Челябинск : Урал LTD, 2000. 525 с.
4. Караяни А.Г. Военная психология : учебник для специалистов психологической работы Вооруженных Сил Российской Федерации / А.Г. Караяни, И.В. Сыромятников. М. : Военный университет, 2016. 500 с.
5. Караяни А.Г. Приемы психической саморегуляции : практическое пособие для телохранителей / А.Г. Караяни. Москва, 1992. 30 с.
6. Караяни А.Г. Психологическая подготовка боевых действий / А.Г. Караяни, П.А. Корчемный. Москва : Военный университет, 2016. 180 с.
7. Маркин А.В. Как России победить Америку? / А.В. Маркин. Москва : Алгоритм, 2014. 285 с.
8. Маркин А.В. Подземная война. Тактика наземно-подземной обороны / А.В. Маркин // Солдат удачи. 2009. № 3.
9. Маркин А.В. Подземная война. Тактика наземно-подземной обороны / А.В. Маркин // Солдат удачи. 2009. № 4.
10. Сахарова Н.Б. Связь спелеологии и психологии / Н.Б. Сахарова // Спелеология Самарской области : сборник статей Самарской спелеологической комиссии / ответственный редактор интернет-выпусков А.А. Коновалов. Вып. 3. Самара : СамСК, 2004. 153 с.
11. Циелава Я.В. Спелеология. Особенности пребывания под землей: реальность и мистика / Я.В. Циелава. URL: http://www.speleo-ufa.ru/bibl/literature/metod_uchebn_materials/osoben_preb_pod_zemlei.htm
12. Alexeev A. Туннельные войны / А. Alexeev // Военное обозрение. 2017. 17 января.
13. VseslavRus. Спелеология и психология / VseslavRus. URL: <http://nlp-practice.ru/2016/08/12/speleology-and-psychology/>

³⁶ Астахов В. Указ. соч. С. 8–10.

³⁷ Караяни А.Г. Приемы психической саморегуляции : практическое пособие для телохранителей. М., 1992; Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Военная психология : учебник для специалистов психологической работы Вооруженных Сил Российской Федерации; Караяни А.Г., Корчемный П.А. Психологическая подготовка боевых действий. М. : ВУ, 2016.

³⁸ Alexeev A. Указ. соч.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИГРАФА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: МНЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Свободный Феликс Константинович,
доцент кафедры психологии Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат психологических наук, доцент
sfk_felix@mail.ru

Белых-Силаев Дмитрий Владимирович,
главный редактор журнала «Юридическая психология»,
преподаватель кафедры психологии Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
юрист, психолог, педагог
014130@mail.ru

В статье описываются результаты анкетирования следователей Следственного комитета Российской Федерации по вопросам эффективности применения исследований с использованием полиграфа при расследовании преступлений. Показывается, что следователи в основном доверяют результатам полиграфа и применяют их в своей практической деятельности. Анализируются мнения следователей относительно причин отказа граждан от «прохождения полиграфа», соотношения результатов полиграфа с другими доказательствами, а также относительно факторов, снижающих эффективность исследований с использованием полиграфа в раскрытии и расследовании преступлений.

Ключевые слова: полиграф, следователи, расследование преступлений.

POLYGRAPH EFFICIENCY IN CRIME INVESTIGATION: THE INVESTIGATORS' OPINION

Svobodny Feliks K.
Associate Professor of the Department of Psychology of the Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation
PhD in Psychological Sciences
Associate Professor

Belykh-Silaev Dmitriy V.
Editor in Chief of the Juridical Psychology Journal
Lecturer of the Department of Psychology of the Military University
of the Ministry of Defence of the Russian Federation
Lawyer, Psychologist, Teacher

The article describes the results of a survey of investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation on the effectiveness of research using a polygraph in the investigation of crimes. It is shown that investigators mainly trust the results of the polygraph and use them in their practice. The authors analyze the opinions of researchers on the reasons for the refusal of citizens from "passing the polygraph", the ratio of the results of the polygraph with other evidence, as well as on the factors that reduce the effectiveness of research using the polygraph in the detection and investigation of crimes.

Keywords: polygraph, investigators, crime investigation.

Производство исследований с использованием полиграфа прочно вошло в практическую деятельность государственных структур, занимающихся раскрытием и расследованием преступлений.

В научной периодической печати часто появляются публикации, посвященные «проблематике полиграфа». При этом про высокую эффективность полиграфа при расследовании преступлений

(а также при производстве кадровых проверок) чаще всего пишут сами специалисты, использующие этот метод (так называемые «полиграфологи»).

Нам представилась небезынтересной идея об изучении мнения о полиграфе следователей — тех людей, которые, пожалуй, больше всего нуждаются в качественных результатах исследования с использованием этого прибора, являются одним из основных инициаторов данных исследований (и экспертиз) и непосредственно занимаются расследованием преступлений.

Для этой цели нами была разработана анкета, содержащая вопросы об эффективности применения полиграфа в раскрытии преступлений, об отношении следователей к этому виду исследований, о проблемах, возникающих при назначении и производстве исследований и экспертиз с использованием полиграфа.

Анкетирование проводилось на базе Московской академии Следственного комитета Российской Федерации в период с февраля по май 2019 г., в нем приняли участие 200 следователей, направленные из разных регионов России для прохождения курсов повышения квалификации.

Центральным звеном анкеты были вопросы: «Вы доверяете выводам полиграфолога?» и «Вы сомневаетесь в выводах полиграфолога?». Примерно треть опрошенных следователей (28%) отметили, что почти всегда доверяют выводам полиграфолога; около половины респондентов (48%) доверяют выводам полиграфолога «часто»; 17% следователей сказали, что редко доверяют выводам по результатам исследования с использованием полиграфа и 6% опрошенных заявили, что никогда не доверяют выводам полиграфолога.

Ответы следователей на вопрос: «Вы сомневаетесь в выводах полиграфолога?» распределились следующим образом: 24% опрошенных сказали, что никогда не сомневаются в выводах специалиста-полиграфолога; более половины следователей (58%) отметили, что редко сомневаются в выводах по «результатам полиграфа»; 13% респондентов часто сомневаются в выводах полиграфолога и 5% анкетированных почти всегда сомневаются в выводах по результатам исследования с использованием полиграфа.

Очевидно, что вопрос доверия/недоверия результатам работы любого специалиста зависит не только от его квалификации, но и от соотношения результатов его работы с другими данными, позволяющими проверить результаты специалиста. По нашему мнению, данные относительно доверия/недоверия следователей выводам полиграфолога прежде всего отражают личный опыт следова-

телей по использованию «результатов полиграфа» в следственной практике.

Для конкретизации причин доверия/недоверия следователей результатам исследования (экспертизы) с использованием полиграфа респондентам был задан ряд дополнительных вопросов относительно «роли полиграфа» в раскрытии преступлений. Анализ ответов следователей показал, что последние в своей профессиональной деятельности сталкивались и с положительной, и с отрицательной результативностью исследований «на полиграфе».

Так, на вопрос: «Давал ли полиграф (при расследовании) новую версию, оказавшуюся верной?» больше половины опрошенных следователей (58%) ответили: «Никогда»; 32% анкетированных сказали, что «Редко»; 9% респондентов отметили, что такая ситуация происходит часто и лишь 1% опрошенных следователей ответили на этот вопрос альтернативой: «Почти всегда».

На вопрос: «Была ли такая ситуация, чтобы полиграф запутал, «пустил по ложному следу?» 55% следователей, принимавших участие в опросе, ответили, что такой ситуации в их профессиональной деятельности не было ни разу; 32% опрошенных редко, но сталкивались с подобной ситуацией, а 13% респондентов заявили, что такая ситуация, чтобы полиграф запутал («пустил по ложному следу»), происходила в их профессиональной деятельности часто.

По нашему мнению, полученная дифференциация ответов обусловлена влиянием нескольких факторов, среди которых можно выделить опыт (мастерство) специалиста-полиграфолога, его загруженность и мотивированность на раскрытие преступления, сложность расследуемого преступления, характер взаимодействия следователя и полиграфолога и т.д.

Продолжая дифференцировать причины доверия/недоверия следователей выводам, полученным в ходе исследований (экспертиз) с использованием полиграфа, мы проанализировали мнение опрошенных о соотношении «результатов полиграфа» с другими доказательствами по делу. О том, что «результаты полиграфа» почти всегда совпадают с другими доказательствами, заявили 19% опрошенных следователей. Около половины респондентов (49%) отметили, что такое совпадение происходило в их профессиональной деятельности часто. На редкость совпадения результатов полиграфа с другими доказательствами по делу указали 25% анкетированных. И 8% следователей заявили, что в их профессиональной деятельности результаты исследований на полиграфе никогда не совпадали с другими доказательствами.

Очевидно, что в «результативности полиграфа» при расследовании преступлений имеются определенные проблемы, выявление которых требует дальнейших исследований. А пока лишь отметим, что большинство опрошенных следователей (81%), сталкиваясь с указанными проблемами, предпочитают использовать результаты исследований на полиграфе только как ориентирующую информацию.

В качестве основных проблем, негативно влияющих на эффективность использования полиграфа при расследовании преступлений, следователи обозначили отказы граждан от прохождения такого исследования (более 70% опрошенных), сложность организации данного вида исследований и экспертиз (более 50% опрошенных) и неприятие судами результатов исследований и экспертиз с использованием полиграфа (более 80% опрошенных).

Прохождение исследования (экспертизы) с использованием полиграфа возможно только на добровольной основе. Во-первых, это обусловлено спецификой самой процедуры исследования, в процессе которой испытуемый должен отвечать на вопросы специалиста, соблюдать озвученные специалистом инструкции (например: «сидеть спокойно, расслабленно, не шевелится во время записи реакций»; «отвечать на все вопросы только «да» и «нет»¹) и т.д. К тому же испытуемый в процессе исследования на полиграфе должен находиться в относительно спокойном эмоциональном состоянии, не испытывать ярко выраженных эмоций, физического дискомфорта, болевых ощущений и т.д. Понятно, что при данных условиях добиться вышеобозначенного сотрудничества с испытуемым можно только за счет его добровольного согласия.

Во-вторых, добровольность обследования обусловлена существующими юридическими нормами. Так, согласно ст. 21 Конституции Российской Федерации «никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам»².

В ст. 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации дается закрытый перечень поводов для назначения судебной экспертизы в обязательном порядке³. Судебная экспертиза с использованием полиграфа в этот перечень не попадает, следовательно, может проводиться только на добровольной основе.

Практика производства исследований и экспертиз с использованием полиграфа подразумевает обязательное написание (заполнение) испытуемым заявления о добровольном согласии (либо заявления от отказа) на производство исследования (экспертизы) с использованием полиграфа.

Результаты анкетирования следователей показывают, что чаще всего от прохождения исследований на полиграфе отказывается подозреваемый (обвиняемый). На такие факты указали большинство опрошенных следователей — 72%.

С частыми отказами от «прохождения полиграфа» со стороны свидетелей сталкивались 37% от общего количества опрошенных следователей. Реже других участников расследования от прохождения исследования или экспертизы с использованием полиграфа отказывается потерпевшее лицо. Только около 20% опрошенных следователей часто сталкивались с «отказами от полиграфа» со стороны потерпевших.

Также 21% опрошенных следователей сталкивались с такой ситуацией, когда гражданин, согласившийся на производство исследования (экспертизы) на полиграфе, в процессе работы со специалистом (экспертом) отказывался от дальнейшего «прохождения полиграфа» в связи с ухудшением самочувствия (13% опрошенных следователей), нехваткой времени (5% опрошенных) либо без объяснения причин (3 % опрошенных).

Как было показано выше, исследование (экспертиза) на полиграфе может проводиться только на основе добровольного согласия испытуемого, при этом последний может отказаться «проходить полиграф» без объяснения причин. Тем более интересными являются данные о причинах отказа граждан от исследования на полиграфе в рамках расследования уголовных дел, выявленные нами по результатам анкетирования следователей.

На первом месте по частоте называемых следователями причин отказа граждан от исследования (экспертизы) с использованием полиграфа находится «наличие противопоказаний по здоровью». Около 70% опрошенных следователей отметили, что чаще всего граждане отказываются от «прохождения полиграфа», указывая на наличие у себя плохого самочувствия из-за заболеваний сердечно-сосудистой системы, органов дыхания и желудочно-кишечного тракта, а также из-за болевого синдрома и последствий травматизации.

По нашему мнению, большая частота отказов от «прохождения полиграфа» из-за «проблем со здоровьем (самочувствием)» детерминирована, прежде всего, спецификой деятельности специалистов, проводящих исследования и эксперти-

¹ Оглоблин С.И., Молчанов А.Ю. Инструментальная «детекция лжи»: академический курс. Ярославль, 2004. С. 251.

² Конституция Российской Федерации (с гимном России). М.: Проспект, 2016. С. 11.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (по сост. на 01.03.2019). М.: АСТ, 2019. С. 143.

зы с использованием полиграфа (так называемых «полиграфологов»). В существующих (в основном ведомственных) инструкциях⁴ и методических рекомендациях по производству исследований с использованием полиграфа прописан перечень ограничений на «прохождение полиграфа», в котором различные «проблемы со здоровьем» занимают большую часть. Острые и некоторые хронические заболевания сердечно-сосудистой системы, органов дыхания, желудочно-кишечного тракта, вирусные заболевания, отравления, повышенная температура тела, наличие болевого синдрома, психические заболевания и т.д. способны сильно исказить записываемые полиграфом физиологические реакции, что делает невозможным их адекватную интерпретацию.

Поэтому при назначении исследования (экспертизы) с использованием полиграфа вопрос о возможности прохождения лицом данного исследования «по состоянию здоровья» решается следователем и полиграфологом одним из первых. Согласно указанным выше методическим рекомендациям специалисты-полиграфологи на начальном этапе производства исследования с использованием полиграфа должны выяснять у испытуемого его самочувствие и наличие/отсутствие ограничений по здоровью. При выявлении ограничений по здоровью исследование на полиграфе не проводится и испытуемый об этом уведомляется полиграфологом. Часто полиграфологи «перестраховываются» и отказываются от производства исследования (экспертизы) при выявлении у испытуемого даже минимальных проблем со здоровьем. И сами следователи (особенно опытные), анализируя материалы дела (медицинские справки, заключения и т.д.), бывает, делают вывод о невозможности производства исследования с использованием полиграфа в отношении данного лица и сообщают ему об этом. В связи с этими ситуациями адвокаты и сами граждане уже давно осведомлены о том, как отказаться от «прохождения полиграфа», не вызывая подозрений у следствия, — надо «найти» у себя соответствующее заболевание и «подкрепить» его медицинским документом.

На втором месте по частоте упоминания отказ по причине того, что «полиграф не является доказательством», т.е. результаты исследований с использованием полиграфа не принимаются судами в качестве доказательств по делу. С такой причиной часто сталкивались около 40% опрошенных нами следователей. Как мы видим, потенциаль-

ные испытуемые (скорее всего, через своих адвокатов или знакомых юристов) уже достаточно хорошо осведомлены о негативном отношении судов к «психофизиологическому методу детекции лжи».

Около 30% анкетированных отметили, что часто в качестве основной причины отказа от исследования (экспертизы) с использованием полиграфа граждане указывают недоверие полиграфу как методу: «техника ошибается», «на результаты сильно влияет волнение», «отсутствует единая методика» и т.д. Данные результаты, на наш взгляд, отражают одновременно и архаичные представления граждан о сути исследования с использованием полиграфа («техника ошибается»), и осведомленность граждан (и их адвокатов) относительно реальных проблем исследований с использованием полиграфа, таких как отсутствие единой «экспертной методики». По нашему мнению, существующие сейчас между ведущими учеными и практиками разногласия по «проблемам полиграфа» (в том числе по вопросам методического обеспечения исследований на полиграфе) невозможно разрешить на уровне так называемого «психофизиологического исследования (экспертизы)», терминология которого не вполне адекватно отражает суть исследования на полиграфе. Представляется, что по своему предмету, объектам и методам исследование с использованием полиграфа представляет собой психологический эксперимент и поэтому должно теоретически и методически разрабатываться в русле психологической диагностики, экспериментальной психологии и психологической экспертизы, о чем один из авторов данной статьи уже имел возможность заявить на страницах журнала «Юридическая психология»⁵.

Также 22% из опрошенных следователей часто сталкивались с отказом граждан от «прохождения полиграфа» по причине недоверия ведомственному полиграфологу. Действительно, в настоящее время многие полиграфологи Следственного комитета Российской Федерации работают в составе криминалистических отделов, что называется «бок о бок» со следователями-криминалистами. Естественно, что такое «близкое соседство» заставляет граждан сомневаться в независимости (а значит и объективности) ведомственных специалистов-полиграфологов и отказываться «проходить полиграф» у них.

Определенным шагом к решению данной проблемы, на наш взгляд, является планируемое сегодня создание в структуре Следственного комитета Российской Федерации экспертных подразделе-

⁴ См., например: Приказ МВД России от 28 декабря 1994 г. № 437 «Инструкция о порядке использования полиграфа при опросе граждан». URL: <https://www.docs.cntd.ru/document/9037963>

⁵ Свободный Ф.К. Судебная психофизиологическая экспертиза: сущность и терминология // Юридическая психология. 2019. № 2. С. 16–20.

ний (по аналогии с ЭКЦ в МВД России), которые могут «вывести» полиграфологов из состава криминалистических отделов и более явственно обеспечить их независимость от следствия. Правда, для этого необходимо четко определить полиграфологам их специальность («Полиграфология», «Психофизиология» или «Психология»), обеспечить их образованием по соответствующей специальности, теоретически и методически разработать и обосновать соответствующий вид (виды) судебных экспертиз и т.д.

Среди других причин отказа граждан от исследования с использованием полиграфа часть опрошенных следователей (9%) отметили такие причины как: «боязнь получения новых доказательств», «отказ по совету (настоянию) адвоката», «старческий возраст», «недостижение 16-тилетнего возраста», «долгое время проведения экспертизы (исследования)».

В завершение описания причин отказа граждан от исследования «на полиграфе» отметим, что 15% опрошенных следователей сталкивались в своей практической деятельности с ситуацией, когда гражданин отказывался от прохождения исследования (экспертизы) с использованием полиграфа без объяснения конкретных причин: «имею право отказать», «не хочу проходить полиграф» и т.д.

Подводя итог данного исследования, отметим, что большинство следователей Следственного комитета Российской Федерации считают «метод полиграфа» достаточно эффективным, доверяют результатам исследований с использованием полиграфа и применяют их в своей практической деятельности. Однако имеющиеся факты несоответствия результатов полиграфа с другими доказательствами по делу часто заставляют следователей использовать данные результаты только в качестве ориентирующей информации. При этом достаточно серьезными препятствиями для повышения эффективности исследований с использованием полиграфа в раскрытии и расследовании преступлений являются: сложность организации данного вида исследований и экспертиз, отказы граждан от прохождения исследования на полиграфе, а также неприятие судами результатов исследований и экспертиз с использованием полиграфа в качестве доказательств.

Литература

1. Оглоблин С.И. Инструментальная «детекция лжи» (проверки на полиграфе): академический курс / С.И. Оглоблин, А.Ю. Молчанов. Ярославль : Нюанс, 2004. 464 с.
2. Свободный Ф.К. Судебная психофизиологическая экспертиза: сущность и терминология / Ф.К. Свободный // Юридическая психология. 2019. № 2. С. 16–20.

Редакционная политика Объединенной редакции «Издательская группа «Юрист» запрещает:

1. Самоплагиат. В случае, если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах Издательской группы «Юрист», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.

2. Дословное копирование более 10 процентов работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.

3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10 процентов оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.

4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.

ПАМЯТКА АВТОРАМ

1. Материалы представляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст – через 1,5 интервала, кегль шрифта – 14, с подписью автора на последней странице; сноски постраничные, обозначенные арабскими цифрами, оформленные в соответствии с действующим ГОСТом). Объем материала не должен превышать 10 страниц. Опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов материалы к рассмотрению не принимаются.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.

3. Договор о предоставлении автором интеллектуальных прав на произведение заключается в порядке, приведенном в разделе «Редакционная политика ИГ «Юрист»» по адресу: <http://lawinfo.ru/for-authors/policy/>. Перед направлением в редакцию статьи просим обязательно ознакомиться с требованиями, приведенными в разделе «Редакционная политика ИГ «Юрист»». Статьи и другие материалы, направленные в редакцию с нарушением указанных требований, к рассмотрению не принимаются.

4. Статья должна содержать:

а) фамилию, имя и отчество полностью, должность, место работы (без сокращений), ученую степень, ученое звание на русском и английском языках;

б) название статьи с переводом на английский язык;

в) аннотацию на русском и английском языках (4–5 строк);

г) ключевые слова из текста статьи (4–6 слов или словосочетаний);

д) служебный адрес либо адрес электронной почты (эта информация будет опубликована в журнале);

е) контактный телефон (для редакции);

ж) точный почтовый адрес с индексом (для направления авторских экземпляров). Автору предоставляются два бесплатных экземпляра журнала с опубликованной статьей.

Кроме того, в конце статьи автор помещает приставный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи). Данные, предоставляемые в редакцию в соответствии с настоящим пунктом, будут размещены в РИНЦ.

Настоятельно рекомендуем авторам ознакомиться с опубликованными статьями по аналогичной тематике и привести не менее двух ссылок на журналы, входящие в состав объединенной редакции ИГ «Юрист».

5. Предоставляемые материалы должны быть актуальными, обладать новизной, содержать задачу и описывать результаты исследования, соответствовать действующему законодательству и иметь вывод.

6. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации.

7. При направлении статьи в редакцию аспирантам и соискателям необходимо приложить рецензию научного руководителя или рекомендацию кафедры, заверенную печатью учреждения.

Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.

**При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию
по телефону: (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru
Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7**